

Яков Маркович Окунев

Катастрофа

Яков Маркович Окунев

Катастрофа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22139473

Аннотация

«Без малого сажень пространства между носками лакированных ботинок и доньшком цилиндра. Это пространство заполнено Вильямом Ундерлипом. В этом пространстве мы имеем: хорошо вытюженные брюки безукоризненного черного цвета, упругую выпуклость живота с расходящимися крыльями черной визитки, круглую, голую, как пятка, голову, посаженную без шеи на массивные плечи...»

Содержание

Часть первая	4
I	4
II	12
III	20
IV	29
V	35
VI	50
VII	58
VIII	65
IX	73
Часть вторая	82
X	82
XI	90
XII	98
XIII	107
XIV	112
XV	119
XVI	129
XVII	137
XVIII	144
XIX	155

Яков Окунев
Катастрофа
Социально-
историческая повесть

Часть первая

I

Без малого сажень пространства между носками лакированных ботинок и доньшком цилиндра. Это пространство заполнено Вильямом Ундерлипом. В этом пространстве мы имеем: хорошо выутюженные брюки безукоризненного черного цвета, упругую выпуклость живота с расходящимися крыльями черной визитки, круглую, голую, как пятка, голову, посаженную без шеи на массивные плечи.

Позвольте, а глаза? Ах, да, глаза. Вот они. Они утонули в глубине между пухлыми щеками, напоминающими розовый зад новорожденного младенца, и нависшими огненными метелками бровей. Две голубые щелочки.

Впрочем, нет ни глаз, ни головы. Из-за газетной простыни

«Нью-Йоркского Вестника» видна только половина мистера Ундерлипа – от лакированных ботинок до первой пуговицы жилета.

И слоится дым пахучей сигары над тем местом, где спрятана голова Вильяма Ундерлипа.

Что за идиотство! В стране небывалый урожай. Да, к прискорбию, это факт. К прискорбию для Вильяма Ундерлипа, хлебного короля. Хлебные акции падают, рента падает, все падает. И если в стране урожай, то... то надо, чтобы не было урожая. Да, да, ни гугу. Тс-с!

Газета летит на пол. Саженное тело Вильяма Ундерлипа принимает вертикальное положение и устремляется в переговорную будку.

Никелированный рычажок скользит по полированному сегменту с подковкой костяных кнопочек. Стоп! Под нажимом рычажка одна кнопка нырнула в глубину своего гнезда. Звонок. Белым матовым сиянием вспыхнул экран на стене. Медный тюльпан мегафона грохочет:

– Алло! Редакция «Нью-Йоркского Вестника».

– Алло! Вильям Ундерлип вызывает директора «Вестника» Редиарда Гордона.

На экране куриная нога в воротничке и галстук. Куриная нога сломалась под углом в 60 градусов.

– Редиард Гордон, директор «Нью-Йоркского Вестника», в распоряжении мистера. Мистер читал сегодняшнюю статью об урожае в Северо-Американских Штатах?

Гремит Вильям Ундерлип:

– Идиотская статья!

Куриная нога изображает собой прямой угол, потом острый угол, потом... Нет, она положительно сейчас сломается пополам.

Подняв палец в уровень со своим носом и рубя им в воздухе, Ундерлип, хлебный король, выбрасывает обрубки фраз:

– К черту оптимизм! Когда пресса делает веселое лицо, то... Ну? Этот осел, автор этой статьи, слышал ли он, что происходит на бирже?

Этот осел сам Редиард Гордон. Он вытянулся на экране длинной тонкой спицей.

– Олл-райт! В вечернем выпуске будет контрстатья.

– А цифры, черт подери? Вы привели цифры. Что вы делаете со статистикой?

Редиард Гордон, с позволения Ундерлипа, плюет на статистику. В вечернем выпуске будет контрстатистика. Голос Ундерлипа теплеет:

– Итак, плачьте, Редиард Гордон. Плачьте в передовой статье, сокрушайтесь в биржевом отделе. Пролейте слезу в утреннем, и в дневном, и в вечернем выпуске. Ибо дивиденд, дивиденд – это ось.

– Это ось, хо-хо-хо! – громыхает в приемник Ундерлип.

Шкафик из черного дерева стоит в углу кабинета. На ярко-белом кругу циферблата, отсекая минуты, сходятся и расходятся стрелки.

Из шкафика четко отчеканил звонкий голос:

– Четырнадцать.

И вслед за этим прозвучало четырнадцать тонких, как звоны водяных капель, ударов.

Эдвард Блюм, директор, – сама точность. Ровно, минута в минуту. Маленькие сухонькие ручки ныряют в портфель. Мистеру Ундерлипу известно, что элеваторы забиты зерном, экспорта нет, потому что Россия...

Ах, бож-же мой! У мистера Ундерлипа больная печень, и когда говорят о России, то...

Ради бога, у Ундерлипа есть печень, чтоб она пропала!

Директор Эдвард Блюм уважает печень сэра:

– Будем говорить о маршрутах.

– Да, да, о маршрутах.

– Сегодня в двенадцать часов одиннадцать пароходов, груженных хлебом, идут на Лондон.

– Кто главный агент? Человек с мозгами?

Эдвард Блюм буравит крошечным остреньким пальчиком воздух над своею головой:

– О, мистер! Очень с мозгами!

– Посадить на мель! – шипит шепотом Ундерлип.

– Кого? Агента?

– Х-хо! Одиннадцать пароходов. Авария. Весь хлеб до последней тонны рыбам. Поняли?

– О, мистер. Очень... Цена! Дивиденд!

– Да-да, в гору. Ясно?

– Вполне.

У Эдварда Блюма делаются очень узенькие глазки, а губы принимают вид молодого месяца, опрокинутого рожками вверх. Он снова роется в своем портфеле, собираясь приступить к деловому докладу, но Ундерлип делает неожиданную экскурсию в область библии:

– Вы знаете историю Иова, мистер? Удивительное стечение счастливых обстоятельств.

– Напротив, мистер.

– Не напротив, – упрямо мотает головою Ундерлип. – Со всем нет. Его беда была в том, что его капитал не находился в акциях. Хлебные акции лезут в гору от неурожая, от аварии хлебных транспортов. Такую же привычку имеет рента. Поняли, мистер?

– Очень.

– Нет, вы не поняли! – резко произносит Ундерлип и, наклонившись к Эдварду Блюму и дыша ему в лицо запахом сигары, шепчет: – Несчастье за несчастьем. Пожар на самом большом элеваторе в Филадельфии. До последнего зерна.

– Но прокуратура, мистер?

– Элеватор наш. И прокуратура тоже... тоже наша. – Ундерлип делает жест, означающий, что прокуратура наша: он сжимает в кулаке воздух, символизирующий прокуратуру, и грохочет:

– Хо-хо, х-хо-хо!

– Хе-хе-хе, – трещит сухоньким смешком Эдвард Блюм. –

Будет сделано, мистер Ундерлип.

Шипя шинами по асфальту, несется желтый автомобиль. Кожаные подушки удобно пружинятся под сиденьем и за спиной Ундерлипа.

Лампочка струит сверху опаловые ручки света.

Тротуары запружены котелками, шляпами, кепи. Котелки, кепи и шляпы живыми гроздьями унижают вагоны трамвая и воздушной железной дороги. Они низвергаются говорливым водопадом в люки тоннеля метрополитена. Рестораны, кафе, бары, кино, кабаре глотают реки шляп, кепи, котелков.

Статистика показывает... Позвольте, при чем статистика? Ах, да! Это по поводу населения Нью-Йорка. Оно выросло на сто процентов. Котелков, кепи, шляп стало вдвое больше. Каждая кепка ест хлеб. Каждая! И все они вместе едят хлеб. Вдвое больше.

Что такое человек? Г-м! Живая двуногая рента. Как котируется на бирже человек?

Ундерлип улыбается. Трясутся пухлые щеки, дрожит почка, выбегающая огненной струйкой из жилетного кармана, зыблется упругое полушарие живота...

И вдруг... Именно вдруг. Автомобиль неожиданно застопорил. Захрюкал рожок. Еще раз. Ни с места.

В чем дело? Ундерлип откидывает форточку в передней стенке автомобиля.

– Что случилось, Бенни?

Но от Бенни нет ответа. Шевелит губами, а звук не долетает. Потому что шляпы, котелки и кепи сбились сплошной массой. Рты в движении. Звенит воздух. Факелы. Огненные копыа огней. Знамена. Ревет контрабас и бухает барабан.

Когда над головами не красные лоскутья, а полосатые американские флаги, то дубинки полисменов не имеют работы. Оркестр играет «Янки-Дудль», котелки и кепи поют «Янки-Дудль». Ку-Клукс-Клан. Полезные ребята.

Ундерлип выходит из автомобиля. Становится рядом с молодцом в полосатой фуфайке и кепке с надорванным козырьком. Сам Ундерлип – хлебный король, вплетает свой благородный голос в хор и с чувством поет «Янки-Дудль».

Верзила в полосатой фуфайке хлопает по плечу Ундерлипа и подмигивает подбитым левым глазом. Ну, это немножко слишком. Ундерлип отодвигается в сторону и становится на подножку своего автомобиля.

Ионафан Кингстон-Литтль. Вождь американских патриотов. С позволенья мистера, он воспользуется автомобилем, как трибуной. Ундерлип позволяет.

Ионафан Кингстон-Литтль – пухленький катышек, но голос у него иерихонская труба. Тише! Тише! Слово Кингстону-Литтлю.

– Плевать на демократов! К черту социалистов! Америка для чистокровных американцев. Негры, евреи, китайцы, немцы все зеленые трепещите! В Америке будет сильная

национальная власть. Работу и права только американцам. Остальные пусть убираются ко всем чертям!

Кепки и котелки летят в воздух. Подброшенный сотнями рук Ионафан Кингстон-Литтль летит в воздух. Гремит «Янки-Дудль». Ревет труба. Бухает барабан.

Полезные ребята. Ундерлип лезет в автомобиль, удобно усаживается на упругом сиденье и напевает про себя;

– Три-ди-дим-ди!

Рожок хрюкает три раза, и автомобиль трогается в путь.

II

Поднимаясь в лифте на десятый этаж, Ундерлип пребывает в неизменно отличном расположении духа и, продолжая напевать свое «три-ди-дим», снисходит до маленького панибратства с мальчиком в красной курточке, в галунах и золотых пуговках, поднимающим лифт. Он захватывает двумя пальцами, большим и указательным, розовую щеку мальчика и щиплет ее:

- Три-ди-ри... Имя?
- Тедди, мистер.
- Возраст?.. Ди-ри-дим.
- Четырнадцать, мистер.
- Ди-ри-ди-ди... Патриот или красный? Хо-хо!
- О, мистер! Мой дядя...
- Что твой дядя, бой?
- В организации Кингстон-Литтля.
- Дри-ди-ри-дим... Получай, бой.

Маленькая желтая монетка перекачивается из пухлой ладони Ундерлипа в сложенную лодочкой ладонь юного патриота, у которого на щеке цветет розочка от снисходительного щипка хлебного короля.

А хлебный король, выйдя из лифта, направляется через приемную акционерной компании «Гудбай» в директорский кабинет. В приемной посетители. Кивок головы направо, ки-

вок налево, два-три рукопожатия. По очереди, мистеры и миссис, по очереди, дри-ди-ри-дим... Ах! Его преосвященство. Какая честь! Конечно, вне всякой очереди. Пожалуйста.

У его преосвященства накрахмаленное лицо. Оно мертво, деревянно, и когда его преосвященство говорит или смеется, то размыкается только узенький бледно-розовый шнурочек губ и золотится ряд великолепно сделанных зубов.

Преосвященство садится в кресло, сохраняя свою крахмальность. Ундерлип хочет сказать свое «дри-дири», но спохватывается и маскирует вырвавшееся было легкомыслие кашлем.

Замороженным голосом его преосвященство произносит:

– Я получил пакет акций компании «Гудбай». Примите, мистер, глубокую благодарность церкви.

Таким же ледяным голосом Ундерлип отвечает:

– Правление нашей компании находит, что церкви не подобает существовать мелкими случайными даяниями. Наше правление делает почин. Церкви подобает быть акционером и распоряжаться дивидендами.

Бледно-розовый шнурочек размыкается.

– Да, дивидендами.

– На акции вашего преосвященства получается дивиденда триста тысяч долларов.

– С божьей помощью, триста тысяч долларов.

– Скоро будут выборы.

– Выборы, – доносится эхо из-за золотых зубов его преосвященства.

– Палаты должны быть послушны верховной власти.

– Должны.

– А власть должна слушаться голоса патриотов.

– Да, патриотов.

– Итак, церковь разделяет наши взгляды.

– Церковь разделяет... благословляет.

Его преосвященство делает благословляющий жест, торжественно прощается и торжественно уносит свое накрахмаленное тело из кабинета хлебного короля.

Лицо Ундерлипа тотчас же размораживается, и он, приоткрыв дверь, звенит:

– Ди-ди-дим... Кто следующий?

В промежутке времени, пока входит следующий, Ундерлип хлопает себя по тому месту визитки, где находится боковой карман с бумажником, смеется:

– Ха-ха-ха! Церковь. С божьей помощью.

Следующий – Редиард Гордон, директор «Нью-Йоркского Вестника». Весь в устремлении вперед. Куда угодно и что угодно.

– Я доволен вами, мистер... Дри-ди...

Верхняя половина туловища Редиарда Гордона устремляется к Ундерлипу, тогда как нижняя, утвержденная на желтых массивных ботинках, остается на месте:

– Мистер, наша газета...

– Моя газета, – поправляет Ундерлип.

– Ваша газета, мистер, завтра открывает кампанию за высокие пошлины на иностранный хлеб.

– Отлично, мистер. Высокие пошлины – дорогие цены, дорогие цены – большие дивиденды, большие дивиденды... Ди-ри-ди-дим...

– Хи-хи-хи!

Ундерлип отпирает правый ящик письменного стола.

В правом ящике – белые пакеты, и в каждом пакете цветные бумаги с водяными знаками и затейливыми подписями членов правления акционерной компании «Гудбай». Акции. Один такой пакет он протягивает Редиарду Гордону.

– Завтра общее собрание акционеров. Есть оппозиция. Здесь сто акций, мистер. У вас будет сто голосов, мистер. Сто голосов против оппозиции.

Редиард Гордон прижимает пакет к сердцу.

– Есть, сэр. Позвольте выразить...

– До свиданья. Ди-ди-ди!

Следующие и еще следующие. Ундерлип опустошает свой ящик с пакетами и умножает число голосов против врагов своего правления. Ну-ка, прикинем, дри-ди-ди! Его преосвященство стоит пять тысяч акций.

Когда из собрания акционеров его преосвященство подаст голос, то это будет не один голос, а пять тысяч голосов, черт возьми! А эта куриная нога? Сто голосов. Закон? Ундерлип раздает голоса из ящика своего стола с глазу на глаз и плюет

на закон. У правления остается законное число акций. Комар носа не подточит. Ди-риди-дим.

А на улицах, а на бульварах, а в скверах манифестируют чистокровные американцы, патриоты с оркестрами и полосатыми флагами. Они горланят, не переставая, «Янки-Дудль», и вместе с ними, выхаркивая остатки своих легких, орет, задыхаясь, чахоточный Сэм. Удушливые газы съели его легкие на войне, в груди Сэма сидит немецкая пуля. Сэм не обедал сегодня, не обедал вчера, не обедал... Давно не обедал.

У Сэма кипит желчь. Баста! Надо выгнать из Америки всех зеленых немцев, поляков, евреев. Тогда будет работа, и Сэм будет обедать каждый день. Еще надо свернуть головы всем этим жирным акулам, которые живут в мраморных дворцах и устраивают локауты.

– Америка американцам! – хрипит Сэм.

– У-ра! – подхватывают вокруг него.

– Долой миллиардеров! – выбрасывает Сэм из своей голодной души.

Что он кричит? В него вонзается пара десятков глаз, таких же голодных и таких же злых, как его глаза. Чья-то рука впивается в его плечо и трясет его:

– Что ты крикнул? Ты социалист? Сэм возмущен:

– Я социалист?! К черту красных, розовых, желтых! Я не получу от них жратвы.

– Кто же ты такой?

– Истый американец. Америка для американцев.

– Но ты горланил: «долой миллиардеров».

– Ну да, долой этих пиявок. Ведь я безработный. Два года без работы.

– И я.

– И мы.

– Компания «Гудбай» вышибла меня из фермы, – говорит серый мужиковатый парень с бычачьими глазами и орет громовым голосом:

– К дьяволу миллиардеров.

– Правильно! Правильно! – подхватывают несколько голосов.

Сзади напирают новые и новые кепки и котелки, и Сэма и мужиковатого парня уносит толпою вперед, в желтый тусклый туман.

На экране, в витрине редакции, горят огненные буквы, они кричат на всю улицу:

Америка для американцев!

высокие пошлины на иностранный хлеб

мы не дадим нажиться иностранцам

мы не дадим вывозить наше золото

новость!!! новость!!!

читайте вечерний выпуск!

пожар в Филадельфии

авария в океане

тысячи тонн хлеба для океана

вечерний выпуск стоит

Толпа несет Сэма. У витрины «Вестника» – затор. У Сэма вскипает желчь.

– Ха-ха! Золото? Пусть вывозят мое золото!

– Bravo, парень, bravo! – трещат кругом ладони. – Пусть вывозят наше золото. Начхать!

Но у Сэма есть еще кой-что. Вместе с кровавым плевком он выбрасывает:

– Х-хе! Америка для американцев, а какие американцы будут покупать дорогой хлеб?

– Откуда ты взял это, парень? – раздаются недоуменные возгласы.

И Сэм, сам того не подозревая, повторяет доводы Ундерлипа:

– Высокие пошлины – высокие цены. Ко всем чертям высокие пошлины!

– Долой!

– Бей!

Вложив два пальца в рот, какая-то кепка оглушительно свистит: Фю-юить! Долой! Бей! Долой!

Камень летит в витрину «Вестника», звенит стекло. Экран гаснет. На ступенях редакции, в озарении дугового фонаря, коротенькая, круглая фигурка Кингстон-Литтля. Тише! Тсс!

Литтль обращается к дорогим братьям. Дорогие братья попались в чью-то ловушку. Конечно, это агенты Москвы

подбили дорогих братьев на такую штуку, ибо братья ни уха, ни рыла не понимают в политике. Если бить окна, то надо выбирать окна редакции врагов национального движения.

Сэму нужно спросить Литтля кое-что о высоких пошлинах на хлеб. Но Сэм не решается, потому что он ни уха, ни рыла...

– Правильно! – хрипит Сэм.

– Правильно! – грохочут сотни Сэмов, ни уха, ни рыла не понимающих в политике, но голодных и злых из-за безработицы.

III

Для того, чтобы устроить совет четырех золотых мешков, совсем не требуется собирать их в одном месте. Каждый сидит у себя в кабинете: короли хлеба и металла в Нью-Йорке, король угля и нефти – в Чикаго, король... нет, правильнее сказать, королева... Итак, королева транспортных средств – в Вашингтоне. Они сидят в своих уютных креслах, в разных концах республики и, несмотря на это, ведут оживленную беседу.

Делается это очень просто. Каждое золотое величество поворачивает рычажок фоторадиофона до надлежащей кнопки на доске коммутатора и бросает в приемник:

– Алло!

– Алло! – скрипит ржавый голос короля угля и нефти из Чикаго, мистера Бранда.

– Алло! – звенит королева транспорта, миссис Мариам Дэвис.

– Алло! – гремит металлом хлебный король.

– Алло, алло! – вкрадчиво мурлыкает мистер Лориссон, король всей тяжелой индустрии Соединенных Штатов.

И на экране фоторадиофона каждый король видит всех остальных трех королей. Просто и ясно.

Парламент говорит и голосует. Сенат говорит и тоже голосует. Президент не говорит и не голосует, а подписывает то,

что наговорили и наголосовали джентльмены из парламента и сената. А четыре магната Северо-Американских Соединенных Штатов не говорят, не голосуют, не подписывают, а заставляют голосовать, говорить и подписывать то, что им нужно, джентльменов из парламента и сената и джентльменов из Белого дома.

А что им нужно? По улицам Нью-Йорка, Вашингтона, Бостона, Филадельфии гремит, не переставая, «Янки-Дудль». Патриоты сворачивают скулы красным и бьют окна их редакций – вот что им нужно. Когда безработный Сэм, выхаркивая остатки своих легких, горланит: «Америка для американцев», он делает, не зная этого, именно то, что нужно трем джентльменам и одной леди, совещающимся по фоторадиофону.

Положение не делает разницы. Джентльмены и леди обедали. Сэм давно не обедал. Но это ведь мелочь, не правда ли? Обедавшие джентльмены и голодный Сэм заняты по горло общим делом.

– Алло! Мы начинаем! – гремит в приемнике хлебный король.

– Олл-райт, – кивает остроконечной головою с голубыми, оттопыренными, как ручки вазы, ушами мистер Бранд, угольный король.

– П-ф-ф! П-ф-ф! – дымит в ответ из трубки коротенький, пушистенький, мягонький, точно холеный белый котенок, металлический король, мистер Лориссон.

Королева транспорта, миссис Дэвис, держит в руках крошечную обезьянку, глядит на нее глазами цвета ртути и говорит, обращаясь не к джентльменам, а к обезьянке:

– Мы начинаем, моя крошка.

И делает «чмок-чмок», целуя свою крошку прямо в губы...

– Треть акций газетного треста у меня вот здесь, – хлопает по своему карману Ундерлип.

– П-ф-ф! Большой дивиденд?

– Да, да, какой дивиденд? – настораживает свои голубые уши мистер Бранд и делает пальцами такое движение, точно считает деньги.

– Х-хе! – пожимает плечами Ундерлип. – Пресса куплена не для дивиденда, а для... Нам нужно делать общественное мнение.

– Чмок, чмок, – целует Мариам Дэвис обезьянку. – Слышишь, моя крошка, нам нужно мнение.

Крошка выражает свой восторг в очень странной форме: горбит спину, подымает хвост и... Мариам Дэвис вынуждена извиниться перед джентльменами: у ее крошки испорчен желудок. В этом виноват повар, специально готовящий для крошки. Он немедленно будет уволен.

Джентльмены учтиво выслушивают Мариам Дэвис, соболезнуют испорченному желудку крошки и испорченному платью леди, одобряют ее решение прогнать повара и продолжают совещание.

– Итак, дивиденда не будет, но будет общественное мнение, – продолжает король хлеба. – За нас будет говорить печать. Наши взгляды будет проводить его преосвященство.

Мистер Бранд прикладывает к своему голубому уху ладонь, сложенную ложкой:

– Его пре-о-свя-щен-ство?

– П-ф-ф! П-ф-ф! – невозмутимо дымит король металла. – Сколько стоит его преосвященство?

– Пять тысяч акций, джентльмены, – с весом произносит король хлеба.

– Это недорого, пф-ф-пф!

– Это совсем гроши, моя крошка.

– Религия – фундамент культуры! – кивает острой головой и синими ушами металлический король.

– Мы решили, что нам необходима война, – продолжает король хлеба. – Война с Англией.

Джентльмены и леди расцветают. В четырех некоронованных головах королей проносится целый вихрь соображений. Вот они, эти соображения:

«Пфф! Пфф! Что такое война? Это монбланы чугуна, стали, железа. Горы металла. Дивиденд. Дивиденд!»

«Это миллионы людей, одетых в хаки, миллионы челюстей жуют хлеб. Сотни тысяч тонн хлеба. Акции лезут в гору».

«Это дредноуты, крейсера, субмарины, аэропланы жрут нефть и уголь. Золото! Золото!»

«Моя крошка, чмок, чмок. Наш транспорт, моя крошка, нуждается в просторе. Мы победим. Ах, опять желудочек. Бож-же мой!»

Но фоторадиофон не передает мысленных соображений. Впрочем, разве у джентльменов и леди только узкоэгоистические цели? О, нет! Они патриоты. Америка для американцев! Что касается Англии, то почему бы и Англии не быть для американцев? Да, да. Сверхмиллиардеры проникнуты сверхпатриотизмом, и Ундерлип, хитро прищулив левый глаз, долго и убедительно говорит о национальных задачах Америки в английских колониях, которые по недоразумению и несправедливости судьбы принадлежат Англии, тогда как... Словом, Америка превыше всего...

Джентльмены дружно аплодируют. Леди лишена возможности аплодировать, потому что отлучилась на минутку с позволения джентльменов, чтобы поставить клизму бедной крошке и намылить голову ее повару.

Чахоточный Сэм совсем не знает того, что он выражает общественное мнение своей кашляющей и харкающей фигурой. Бой в светлых пуговицах поднимает ее на лифте, лифт останавливается против дверей квартиры Кингстон-Литтля, и Кингстон-Литтль, сам Кингстон-Литтль раскрывает двери Сэму:

– Пожалуйста, мистер Сэм.

Мистер Сэм? Черт возьми! Вот что значит тонкое воспи-

тание. Мистер Сэм! Плохо воспитанные люди не знают такого обращения. Они прибавляют обыкновенно к имени Сэма лестные клички: «голоштанник», «прощелыга», «ходячая падаль», но «мистер» – никогда.

Сэм исполняется уважением к своей особе и выпрямляет сутулую спину.

Кингстон-Литтль ведет Сэма через освещенные океаном электричества комнаты, по мягким коврам. В комнатах расставлено много штучек из фарфора, мрамора, гипса, бронзы, и Сэм, прижимая локти к туловищу и вертя головой вправо и влево, старается не задеть чего-нибудь и не наделать беды.

В большой комнате накрыт белой скатертью круглый стол. Бутылки с красным, и бутылки с белым, и бутылки с желтым, как янтарь, вином. На столе один-единственный прибор. И у этого единственного прибора Кингстон-Литтль усаживает Сэма.

– Надеюсь, уважаемый мистер Сэм не откажется пообедать.

О, он не откажется! Уже два дня, как у него в желудке играет оркестр. Скверно играет, с позволения мистера Литтля.

Сам Кингстон-Литтль – сам! – наливает виски в стакан Сэма, потом наливает еще что-то густое, как прованское масло, потом еще что-то жгучее, как огонь. Какой-то мистер во фраке и в белых перчатках вносит ростбиф, горячий, красный, сочный. Сэм молниеносно очищает тарелки, осушает стаканы. Музыка в желудке Сэма перестает играть по-

хоронный марш. Сэм уважает себя, уважает Кингстон-Литтля, уважает мистера в белых перчатках.

– Слушайте, Сэм, между нами говоря, вы – хороший малый, – хлопает его по плечу Кингстон-Литтль.

– Правильно сказали, мистер.

– Я решил вывести вас в люди, Сэм.

В люди? С разрешения мистера, Сэм был молотобойцем на заводе. Сэм знал лучшие времена. Он получал двадцать долларов в неделю, черт возьми! Он хи-хихи! – волочился за женщинами. Да! Было времечко.

– Прежде всего, вы должны экипироваться, Сэм. Вот вам пятьдесят долларов.

Экип... Экип... Как? Сэм полагает, что такое непонятное слово касается выпивки. Нет, баста. Если он немного еще сегодня поэпи... пикируется, то, пожалуй, попадет в участок.

– Вы не поняли меня. Вы должны приодеться.

– Благодарю, мистер. Но я на эти деньги буду лучше обедать. Я целый месяц буду обедать, мистер.

– Зачем? Вот вам еще сто долларов. На обеды, Сэм. Сто долларов? Сэм щиплет себя в ляжку. Нет, это не сон, а настоящая новенькая бумажка в сто долларов.

– О, мистер. Если вам угодно, я обязательно эпи... эпи... тьфу!

– Теперь вот что, мистер Сэм. Так как вы патриот...

– О, мой мистер!

– И преданный человек...

– Готов душу...

– Нет, Сэм, душа останется при вас. Вы знаете, где находится клуб «Пятиконечная Звезда»?

– На Бродвей-стрите, мистер.

– Верно. Вы сообразительный малый. Вы понимаете толк в планах? Вот смотрите.

Кингстон-Литтль чертит карандашом прямо на белой ска-терти. Вот Бродвей-стрит. Вот «Пятиконечная Звезда». Вот из переулка калитка во двор. А вот черная лестница.

– Есть! Понял! Мистер желает, чтобы я изучил ходы и выходы в клубе красных?

– Ничего подобного. Мистеру нужно, чтобы уважаемый мистер Сэм взобрался пятнадцатого числа утром по черной лестнице на чердак над клубом.

– На чердак? Почему не в самый клуб?

– В клуб не надо. Непременно на чердак.

– К вашим услугам, мистер.

– Около полудня в клубе будет заседание комитета красных. И ровно в это время по Бродвей-стриту мимо клуба будет шествовать манифестация патриотов.

– И я должен с чердака кричать: «Америка для американцев»? Ха-ха! Ловко придумано.

– Да нет же. Достопочтеннейший мистер Сэм должен бросить из чердачного люка в манифестантов вот эту коробочку, которую никому показывать нельзя. И если дорогой мистер Сэм выполнит поручение, то получит еще сто долларов

и выйдет в люди.

– Только всего? Дайте мне скорее вашу коробочку, мистер.

– Осторожнее. Не оброните. Сохраняйте ее от сырости.

– Будьте покойны. Я умею обращаться с деликатными вещами. Ведь у меня были лучшие времена, мистер Кинг-стон-Литтль.

– И никому... Ни звука, мистер Сэм.

– Т-сс! Ни звука!

Сэм прикладывает палец к губам и удаляется, немного пошатываясь, но чувствуя, что он помаленьку выходит в люди.

IV

Земной шар это... Это всего-навсего земной шар. Всего пять частей света. Почему пять, а не шесть, а не семь, не тридцать семь? Чем больше, тем лучше. Мистер Лориссон хочет продавать уголь и нефть. Мистер Ундерлип хочет кормить весь земной шар своим хлебом. Только своим. Но Англия, но Франция, но Германия? Земной шар – хе-хе! – только и всего один земной шар. Да и то на нем есть необитаемые полюсы, где живут белые медведи, которые не покупают ни угля, ни нефти, ни хлеба... Словом, да здравствует война!

Демократы, республиканцы и патриоты, Лориссон, Бранд и Ундерлип прекращают маленькую войну между собою, чтобы сделать большую войну сообща.

Вы знаете, как делается большая война? Пушками? Дредноутами? Подводными лодками? Нет, нет, не забегайте вперед. Всякому овощу свое время.

В огромном зале нью-йоркской биржи, у огромной черной доски садится маклер, у которого голова, похожая на луковицу хвостом кверху, фарширована курсами банкнот, векселей, акций. Он выводит на доске остренькими, вытянувшимися, как солдаты на фронте, буквами:

*«В предложении акции „Гудбай“, Лориссона, Бранда.
Спроса нет».*

Никто не бежит. Никто не прячется. И все же это называ-

ется паникой. Трещат телефоны, выстукивают телеграфные аппараты. Летят радио:

– Крах, крах, крах!

В парламенте паника. Никто не бежит. Никто не прячется. Напротив, все без исключения депутаты в сборе. Ложа журналистов полна. В ложе дипломатов пусто. Но это называется паникой.

У президента палаты дрожат руки. Проталкиваясь в тесной толпе депутатов, он бросает лидеру правой, и лидеру центра, и лидеру левой:

– Бумаги не стоят ни цента! Мои бумаги!

– И мои! – заявляет лидер правой.

– И наши! – произносят лидеры центра и левой.

И центр, и правая, и левая дружно произносят речи о великих национальных задачах народа, дружно бьются в истерике на трибуне в защиту национальной чести и дружно голосуют военные кредиты. Мистер из Белого дома, господин президент, не голосует, а, подписывая войну, думает о дивидендах. Только несколько чудаков на крайних левых скамьях парламента ни за что не желают войны. Они кричат что-то о Сэме и о цене его крови. Экие чудаки! Разве кровь котируется на бирже?

А безработный Сэм, о крови которого вопят левые чудаки в парламенте, сидит на чердаке клуба красных «Пятиконечная Звезда», харкает кровью и крепко держит в обеих руках металлическую коробочку. Это обыкновенная коробоч-

ка из-под килек, но к верхней крышке припаяна стеклянная трубочка с двумя пересекающимися тонкими проволочками внутри.

Та самая кровь, о которой кричат левые чудаки в парламенте, закипает в сердце Сэма. Он видит из люка мистера Райта, знаменитого Джека Райта, коммуниста, о котором Кингстон-Литтль говорит на митингах, что он куплен Москвой. Джек Райт худ и тонок, как вязальная спица. У него земляной цвет лица и острые, как иголки, черные глаза. На лбу у него два шрама: один вдоль, как раз посередине лба, другой – поперек, от виска до виска. Говорят, что Джека Райта пытали сыщики. Так ему и следует: зачем он продался Москве?

Райт идет по улице, помахивая тросточкой и не подозревая, что над его головой, на чердаке, сидит Сэм, его враг. Райт насвистывает какую-то песенку, его тросточка вертится мельницей, он поднимается на ступеньки и входит в клуб «Пятиконечная Звезда».

– Р-р-р! Р-р-р! – рычит Сэм.

Этих молодчиков там, внизу, набралось человек тридцать. Они готовятся к выборам, и большая часть из них выставлена в списке красных. Как же! Держи карман!

Сэм плюет на красный список и подаст свой голос за патриотов, Америка для американцев – и ни гвоздя!

– Америка для американцев! – гремит в конце улицы.

– Ур-ра!

Слышна гулкая молотьба барабана и яркие всплески тру-

бы. Черная голова толпы выползает на улицу. Полощутся по ветру полосатые знамена.

Неожиданно в голове Сэма шевелится мысль: для чего нужно бросить эту коробку вниз, на патриотов? Что находится в этой жестянке?

Ни уха, ни рыла. Так сказал Кингстон-Литтль. Ни уха, ни рыла не понимает Сэм в этой штуке, которая называется политикой. Кингстон-Литтль сказал, что надо бросить, значит, так надо. Политика! И кроме того, сто долларов – это вам не жук накашлял.

Р-раз! Сэм бросает жестянку в самую середину манифестации. Огненный веер. По улице точно прокатили десяток грузовиков. Что-то летит кверху, во все стороны. Пыль штукатурки падает на голову и плечи Сэма и белит его с головы до ног. Струя теплого воздуха мягко толкает Сэма в лицо, плечи и грудь и опрокидывает его навзничь. В ушах звон.

Топот чьих-то ног, обутых в тяжелые сапоги, по черной лестнице. Дощатая дверь чердака сорвана с петель. Четыре человека поднимают Сэма и несут его:

– Т-с-с! Ни звука!

– О, мистеры. Мне ничего не будет?

– Заткнись! Ни звука!

– Ни звука, дорогие мистеры.

Сэма несут через черный двор в переулочек, где нет ни живой души, укладывают в закрытый автомобиль; четыре молотка усаживаются по сторонам Сэма; фыркает мотор; ав-

томобиль срывается с места и несет Сэма неизвестно куда.

– Мне ничего не будет, добрые мистеры?

– Т-с-с! Не ори!

– Молчу. Молчу.

– То-то.

А толпа патриотов бушует у клуба «Пятиконечная Звезда». Она бьет окна и грохочет:

– Бей агентов Москвы!

– Сорвать им головы!

– Линчевать! Линчевать!

Отряд полисменов, примчавшийся на грузовике, работает дубинками, сдерживая напор взбесившихся патриотов.

В кольцо полисменов с револьверами на взводе из клуба «Пятиконечная Звезда» выводят тридцать человек. Длинный Джек Райт бел, как бумага, и на лбу его ярко выступают два шрама – один вдоль, другой поперек, точно алый крест.

– К суду Линча московского наемника!

– Бей!

Чей-то костыль летит в Джека Райта и ударяет его в грудь. Джек Райт шатается, белеет еще больше и, покрывая своим металлическим голосом рев, вой, свист патриотов, кричит:

– Это провокация! Коммунисты не действуют бомбами!

– Знаем мы эти увертки! Бей! – воет толпа.

– Бобби! Спрячьте ваши револьверы!

– Отдайте их нам. Мы их проучим.

Но бобби ведут красных к автомобилю. Весь список крас-

ных отправляется в тюрьму.

V

– Доложите мистеру, что я здесь.

– Мистер Ундерлип принимает ванну и просит вас пройти в ванную.

В ванную – так в ванную. В конце концов самолюбие – пустой предрассудок, который стоит очень дорого и доступен в полной мере только людям с толстыми бумажниками.

Редиард Гордон делает вид, что обычное место для деловых разговоров ванная, и с независимым и беспечным выражением на лице входит в ванную хлебного короля.

Странная штука – эта ванна мистера Ундерлипа. Она не мраморная, не фаянсовая, не цинковая, как все прочие ванны, а из какого-то серого, желтого камня, на котором высечены полуистертые барельефы в египетском стиле. Не ванна, а настоящий египетский саркофаг.

Розовая гора тела плещется и фыркает в этом саркофаге. И когда Редиард Гордон входит, к нему поворачиваются розовые жирные плечи и круглая голова, из-под огненных кустика бровей на него весело глядят две голубые искорки.

– Ага, мистер Редиард Гордон! Ф-р-р! Очень хорошо. Садитесь вон в то кресло.

Редиард Гордон садится. Ундерлип отфыркивается, подгибает свои волосатые ноги, чтобы усесться поудобнее, и опять глядит на Редиарда Гордона.

– Что? Эта ванна? Она походит на саркофаг? Х-хо!

Да это саркофаг и есть. Саркофаг Аменофиса Третьего. Ловко, не правда ли? В этой гробнице, в которой покоился прах царственного фараона, купается хлебный король Ундерлип, дед которого... Ах, мистеру это неизвестно? Дед Ундерлипа был пастухом. Да, да, простым пастухом. А его внук, Ундерлип, моет свой зад в гробнице фараона. Хорошо придумано? Это стоит больших денег, но зато сознание своего достоинства, мистер! До-стоин-ства!

Ундерлип поднимает вверх свой пухлый указательный палец и несколько раз с чувством повторяет:

– До-сто-ин-ства!

Затем он вылезает из ванны, заворачивается с головою в мохнатую простыню и садится против Редиарда Гордона.

– Вот что, милейший мой, – говорит он, хитро щуря глаза. – Будем говорить начистоту. Я вас ценю потому, что вы умеете оболванивать массы.

– Оболванивать?

– Ну, это, может быть, немножко резко, – уступает хлебный король. – Скажем: околпачивать. Или еще вежливее: обставлять. А? Что?

Редиард Гордон видит, что у хлебного короля игривое настроение, и в тон ему подтверждает:

– Да, да, я умею, мистер.

– Ведь девяносто девять процентов людей – это круглые идиоты. Что?

Редиард Гордон решает трудную задачу: считает ли хлебный король, что он, Гордон, входит в число девяносто девяти или в число избранного одного процента.

– М-м! – мычит Редиард Гордон.

– Умным людям нужны деньги, а идиотам нужна идея. Ид-е-я! Подавайте им идею, иначе они взбунтуются. А?

– Д-да, идея, – робко произносит Редиард Гордон, не зная, куда клонит Ундерлип.

– Вам известно, что война решена?

– То есть, пока еще неофициально, мистер.

– Что значит «неофициально»? Я, Лориссон, Бранд, Дэвис, четыре треста решили. Ну? Америка в союзе с Францией против Англии и Японии. Ясно, как на шахматной доске. Что?

– Я весь внимание, мистер.

– В наших руках вся американская пресса. Я, Лориссон, Бранд и Дэвис скупили половину акций газетного треста «Полиграф».

– Отлично, мистер.

– Нам нужен человек, который умеет выдумывать порох. Этот человек вы, Редиард Гордон.

– Я? Позвольте вам выразить...

– Ничего не надо выражать, – жестом освобожденной из простыни голой руки останавливает его хлебный король. – Вы будете главным директором всех наших изданий.

Что?

Пока ошеломленный Редиард Гордон находится в счастливом трансе, Ундерлип скидывает с себя простыню и влезает в кальсоны.

– Позвольте все-таки выразить... – пробуждается из забытья Редиард Гордон.

– Нет, повторяю: не надо выражать, – похлопывая по своему животу, говорит хлебный король. – Выдумайте порох!

– То есть?

– Нам нужна идея. Понимаете? И-де-я! Ха-ха! Идея для остолопов, для баранов, крепкая, как нашатырь. Идея, которая била бы в нос и исторгала бы слезы. Слезы умиления. Слезы патриотизма. Словом, нам нужно, чтобы все поголовно захотели воевать. Что вы скажете? Выдумайте, мистер, хороший порох, и вы тоже будете купаться в гробнице какого-нибудь фараона.

Редиард Гордон складывает обе руки, ладонь к ладони, и поднимает их вверх:

– Господи, боже мой! Разве не я выдумал Кингстон-Литтля? Разве не я выдумал «Америка для американцев»? Разве не я...

– Вы, вы, вы! Но нам нужно еще крепче. Ведь это война, вторая война. Понимаете?

– Есть, мистер.

– Ну?

– Выпустите на миллионы долларов акций всех четырех трестов в мелких купюрах. На три-четыре миллиона. Самая

широкая рассрочка. Верная гарантия дивиденда. Военная сверхприбыль дает сверхдивиденд.

– Ага! Ага!

– Каждый рабочий получает акцию. Каждый рабочий хочет войны. Жаждет победы Америки, потому что он акционер и патриот. Америка для американцев, все дивиденды всего земного шара для американцев.

– Вы выдумали настоящий порох, Редиард Гордон. Позвольте выразить вам...

Тут приходит очередь и за Редиардом Гордоном. Он повторяет жест хлебного короля.

– Не надо выражать, мистер. Я выражу все это в прессе.

– Выражайте.

Ундерлип ныряет головой в свою сорочку и оттуда еще раз бормочет:

– Выражайте, мистер Гордон.

Автомобиль с Сэмом останавливается за городом, на пустыре, Сэма ведут к одинокой ферме, находящейся в полуверсте от дороги, среди забранных колючей проволокой полей. Молодцы вталкивают Сэма в ферму, а сами остаются за дверью.

В комнате только один человек – Кингстон-Литтль.

Он сидит на табурете, за большим некрашеным столом, опершись о стол локтями и опустив голову на руки, и смотрит прямо на Сэма.

– Сэр, мне ничего не будет?

– Болван!

Вот тебе и тонкое обращение! Собственно, почему он прежде был мистером Сэмом, а теперь стал болваном? Разве он не сделал все, что нужно?

– Потому что вы скисли, мистер Сэм.

– Мистер, я не знал, что это бомба. Если бы я знал, что это бомба. Если бы знал, побей меня бог...

– За то, что вы идиот, вас бог и побьет, уважаемый мистер Сэм. Видали ли вы когда-нибудь настоящие бомбы?

– На войне я видел, мистер, ручные гранаты. Это не то, что та жестянка, которую вы мне дали.

– То-то! Это и не была бомба, мистер Сэм.

– Но она взорвалась, когда я ее бросил.

– Это была хлопушка. Поняли? Хлопушка!

– И она никого не убила?

– Никого.

– Но взрыв, мистер? У меня до сих пор звенит в ушах.

– Потому что вы трус, уважаемый мистер. Все вам показалось со страху.

– Для чего же надо было бросить эту штучку?

– Вы патриот, мистер Сэм, но в политике ни уха, ни рыла не понимаете.

– Ни рыла, мистер.

– Ну, и не суйте нос не в свое дело. Молчите. А если вы кому-нибудь скажете хотя бы одно слово, то... Вы видите,

уважаемый?

Кингстон-Литтль вскакивает и сует под нос Сэму блестящее дуло револьвера.

– Видите? Наши ребята живо сфабрикуют из вас покойника.

– Побей меня бог, мистер Литтль. Никому! Ничего! Кингстон-Литтль садится на свое место и прячет револьвер в карман.

– Почему вы еще не экипировались, Сэм?

– Я еще не успел экип... Тьфу!

– Вон там сверток. Переоденьтесь. Вся одежда на вас в ключьях.

– Это от хлопушки?

– Ну да, от хлопушки.

В свертке новенький синий костюм. И кепка тоже. И даже глаженная рубашка. Сэм живо переодевается и становится таким Сэмом, каким он был в лучшие времена.

– Вам вредно общество. Некоторое время, с месяц, вы должны жить один и забыть о хлопушке. Вот вам еще сто долларов. В версте отсюда – станция пригородной железной дороги. Купите билет, вернитесь в город, найдите сегодня же комнату, и завтра в десять часов утра приходите ко мне. Все.

Кингстон-Литтль кивает головой. Сэм выходит. Молодцов за дверью уже нет. Вдали, на пустыре, стоит автомобиль с шофером.

Сэм нащупывает в кармане нового костюма новенькие бу-

мажки, идет по пыльной дороге к станции. Тревога улеглась в душе Сэма. Раз это была хлопوشка, то до остального ему нет никакого дела, тем более что он, черт возьми, выходит-таки в люди.

Но вдруг он вспоминает: взмет пламени, что-то летит вверх и во все стороны, штукатурка сыплется с потолка на плечи, на голову, толчок воздуха опрокидывает его.

Разве от хлопوشки это бывает? Что-то начинает вгрызаться в сердце Сэма, точно мышь, настойчиво и упорно.

На станции, когда Сэм стоит в очереди у окошка кассы, молодой человек в котелке говорит, обращаясь к фермеру с козлиной бородой:

– На Бродвей-стрите красные бросили бомбу.

– Нет, это была хлопوشка, – вмешивается Сэм.

– Хороша хлопوشка! Двое убитых и несколько раненых.

Вы, парень, может быть, из ихней шайки?

– Линчевать их надо, вот что! – ворчит фермер, косясь на Сэма.

Сэм окончательно скисает, а мышка все яростнее вгрызается в его сердце.

Джек Райт – в тюрьме, но на свободе Эдвар Хорн из Сан-Франциско. Эдвар Хорн против Кингстон-Литтля.

Эдвар Хорн – против королей угля, нефти, стали, хлеба, против парламента, против сената, против самого господина президента. Он тут, он там, он везде – в Нью-Йорке, в

Вашингтоне, в Чикаго, в Сан-Франциско. Во всей Америке гремит его голос, подобный грохоту железа. Может быть, их несколько, этих Эдваров Хорнов? Может быть... Газеты кричат:

– Президент Северо-Американских Соединенных Штатов принял послов Англии и Японии и заявил им, что народ Северо-Американских Соединенных Штатов не желает войны, но что народ не потерпит...

– Англия мобилизует флот и армию.

– Мы хотим мира, но мы готовы к отпору, и если...

– Не для войны, а для мира мы должны мобилизовать миллионную армию. Америка для американцев.

Ундерлип разговаривает по фоторадиофону с директором Эдвардом Блюмом:

– Война, мистер, начинается с биржи. Бросайте все английские бумаги на биржу... Пачками! Тюками!

– Но ценности падут, мистер. Курс английских бумаг полетит вниз, мистер.

– Война, мистер Блюм, есть война и больше ни гвоздя.

– Но мы потеряем сотни тысяч долларов на падении курса.

– Мы потерпим, мистер. На войне теряют в одном, чтобы выиграть в другом... Словом, мне нужно падение английских бумаг.

– Будет сделано, мистер.

Стерлинги скользят вниз. Доллары летят вверх. Ундерлип, Лориссон, Бранд потирают боковые карманы. Америка

для американцев. Большие дивиденды. Золото! Золото!

Сенаторы и депутаты голосовали в палатах за войну и, исполнив свой гражданский долг, принялись за свои маленькие частные дела. Они спускают английские бумаги. Они покупают акции «Гудбай», и акции Лориссона, и акции Дэвис, и акции Бранда. Потому что война – это много хлеба, металла, угля, нефти...

Кингстон-Литтль и Редиард Гордон пустили в ход идею. Без идеи никто не наденет хаки, никто не возьмет оружия, никто не будет подставлять себя под пули и снаряды.

– Война – варварство, мистеры. Цивилизованная Америка не хочет войны. Господин президент и господа сенаторы – величайшие пацифисты в мире. Они горят желанием раз навсегда покончить с войною. Надевайте хаки, берите винтовки, готовьте снаряды, помогайте убивать войну, мистеры. Кто не хочет убивать, тот должен воевать.

Зажглись янтарные яблоки фонарей над кино, над барами, над ресторанами. Вспыхнули электрические рекламы на крышах небоскребов и в огромных витринах магазинов. По обрамленным золотыми четками огней улицам струятся живые потоки: шляпы, кепи, котелки. Трости и зонтики. Ревут гудки автомобилей и омнибусов, хрипло дышат паровики поездов, пробегающих над крышами, звенят в звонки вожатые трамваев. Площади и скверы забиты толпами.

Толпа несет Сэма, стиснув его со всех сторон, сплющив

его новенький котелок. Сэм слушал у Бруклинского моста Кингстон-Литтля и вместе с Кингстон-Литтлем хотел покончить с войною. Сэм знает, что такое война. Онадохнула ему в легкие отравленными газами, и с тех пор в его легких скрипит музыка. Плохая музыка, мистер!

Что это? Что это такое? Красные знамена? Америка для американцев, черт возьми! Долой красные знамена! Но их много, этих красных, и среди них люди в хаки. Навстречу толпе, которая вместе с Сэмом слушала и качала Кингстон-Литтля, ползет густая плотная лавина манифестантов с красными знаменами. Впереди шагают люди в хаки, шагают мерным, твердым, ладным маршем. Недаром их учили инструктора на ипподроме.

Музыка. Она играет гимн красных. И тысячи людей в один голос поют этот гимн. И люди в хаки тоже поют мужественными голосами.

Кингстон-Литтль говорит, что армия – опора нации.

Сам Кингстон-Литтль так сказал. Если люди в хаки поют гимн красных, то как это понять? Как это понять, черт возьми? Сэм непременно хочет понять и проталкивается к подвижной трибуне на колесах, задрапированной красным курачом.

– То-ва-ри-щи!..

Наверху вырастает огромная фигура. Своей головой она как будто упирается в крыши небоскребов.

– Ти-ше! Эдвар Хорн говорит!

– Товарищи...

Разве этот человек говорит? Нет! Он берет Сэма горячими пальцами за сердце. Он трогает там внутри у Сэма какие-то струны, и они отзывно звенят. Мысли Сэма он зажигает огнем и бросает в Сэма этот огонь.

Когда Сэму выжгло газами легкие и он лежал в лазарете, он думал то же самое, что говорит Эдвар Хорн. Сэм ночевал в сточных канавах, на скамейках скверов, под мостами и думал то же самое, о чем говорит Хорн.

В душе у Сэма борются Кингстон-Литтль и Эдвар Хорн. Но эта борьба не успевает закончиться ни в ту, ни в другую сторону: полисмены начинают свою работу дубинками по головам и плечам. Сэм мечется, закрыв голову руками и Словавшись вдвое: он знает вкус полицейской дубинки.

Но люди в хаки не бегут. Они... С тех пор как стоит Нью-Йорк, на американской земле не было ничего подобного. Они опрокидывают омнибусы вверх колесами, выворачивают телефонные столбы, бьют окна оружейного магазина.

Бах! Бах! Сэм на мгновение глохнет, потому что выстрелы гремят у самого его уха. Люди в хаки и люди в кепи стоят на коленях за опрокинутыми омнибусами, и в их руках сверкают короткие вспышки. Бах! Бах!

К черту Кингстон-Литтля! Сэм был солдатом. Что дала ему война? Кровавый кашель? Ночевки в канавах?

Кингстон-Литтль никогда не воевал и не станет воевать, а ему служит мистер в белых перчатках. Ночевал ли Кинг-

стон-Литтль в канаве? Голодал ли он месяцами?

Нет! Нет!

– Я был сапером, друзья. Дайте-ка мне вот этот лом. Я знаю толк в постройке заграждений, – это говорит Сэм.

Патриот Сэм помогает строить баррикаду, первую баррикаду, потому что Нью-Йорк никогда не видал баррикад. Что сказал бы на это Кингстон-Литтль?

Начальник полиции шевелит короткими, толстыми пальцами в воздухе. Это означает, что начальник полиции решает трудную задачу. Пошевелил пальцами перед своим бугристым носом – и решил.

– Позовите мне Пика.

Пик, старший агент, человек с мордочкой суслика, входит крадущейся походкой. Начальник подходит к дверям, запирает двери на два оборота ключа и, опять пошевелив пальцами, обращается к Пику:

– Надо обделать дельце, Пик, тонкое дельце.

– Слушаю.

– Вы получите пятьсот долларов.

– Благодарю, господин начальник.

– Пятьсот долларов, если сделаете дело чисто, и каторжную тюрьму, если подгадите. Поняли?

– Слушаю.

– Через полчаса вы с двумя полисменами повезете Джека Райта.

– Красную собаку, мистер?

– Да, да. У вас будет письменный приказ доставить Джека Райта в тюрьму. По дороге автомобиль испортится.

– Понял, мистер. И мы пойдем пешком.

– Так, так, – отвечает начальник.

Он предоставляет Пику возможность обнаружить сметку. Это выгоднее. В случае чего, начальник полиции в стороне. Разве он что-нибудь сказал? Это сказал агент Пик. И агент Пик говорит:

– Джек Райт сделает попытку бежать?

– Правильно, Пик. Он ее сделает.

– Что тут хитрить, господин начальник? Ведь мы с глазу на глаз. Дело не новое. Надо убрать Джека Райта. Не так ли?

– Вы очень догадливы. Если Джек Райт не захочет сделать попытку бегства, то...

– То?

– Вы сами понимаете. Пятьсот долларов, Пик. Пятьсот.

– Итак, мы сделаем попытку бегства Джека Райта и пустим ему пулю вдогонку.

– В затылок, Пик. Боже вас сохрани – не бейте в лоб. Только в затылок.

– Я не маленький, господин начальник. Я знаю, что нужно следствию... Если бы мы сфабриковали сопротивление, а не бегство, то тогда надо было бы всадить пулю в лоб.

– Стало быть, вы берете это дело, Пик?

Агент Пик трясет своей сусличьей мордочкой. Начальник

передает ему сложенную вчетверо бумагу – ордер.

– Смотрите же, без промаха.

– Я не промажу, мистер.

Через четверть часа под окнами полицейского бюро фыркает мотор. Начальник протирает рукою потное окно и глядит в темноту во двор. Длинный тонкий Джек Райт усаживается в автомобиль. Слева и справа садятся два полисмена. Пик садится с шофером на переднем сидении. Рожок ревет, автомобиль ныряет под каменную арку ворот, сверкнув задним фонарем и оставив хвост дыма.

VI

Ундерлип просыпается в отличном расположении духа. Солнце ярко играет на окнах его спальни, золотит складки гардин и сверкает зыблущимися зайчиками на паркете. Ундерлип нажимает кнопку звонка. Никого. Он морщит переносицу и звонит опять. Тот же результат. Отличное расположение духа Ундерлипа летит к черту.

Он звонит еще и еще. Наконец является его старый слуга, Дик.

– Мистер напрасно изволит сердиться. В доме нет ни души, кроме Дика. Почему? Великая забастовка, мистер. Сегодня рано утром, когда мистер изволил почивать, пришла целая банда. Какая банда? Из союза прислуги. Возможно, что у них были бомбы. Ну, бомбы не бомбы, но за револьверы Дик ручается. Разве мистер не знает, что этой ночью в Бруклине красные устроили целое сражение с полицией? Как же! Была такая перестрелка, что...

– Газеты! – останавливает поток его красноречия Ундерлип.

– Газеты не вышли, мистер. Я же говорю: великая забастовка.

– Подайте кофе. Что? Кофе не на чем сварить? Тока нет? Газа тоже нет? Хорошенькое дельце! А если забастовка затянется на неделю? Для меня не существует никаких забасто-

вок: ни великих, ни малых. Слышите, Дик?

Мистер Ундерлип идет к умывальнику, поворачивает кран. Из крана вырывается свист. Как? Воды нет? Даже воды? Что же они пьют сами, эти бестии? Ну, ну, посмотрим. Забастовка имеет два конца. Пусть-ка они побастуют без воды, газа и электричества.

Хорошее настроение опять возвращается к Ундерлипу. Он накидывает халат и тем временем вспоминает об организации Кингстон-Литтля. Да, да, отчего они молчат? Что же, сотни тысяч долларов, которые затратил трест «Гуд-бай» на Литтля и его молодцов, это пыль? Послушаем-ка, что там думает Кингстон-Литтль?

– Алло! Алло! Мистер Кингстон-Литтль?

Вот так штука! На экране фоторадиофона совсем не Кингстон-Литтль, а солдат. Да, солдат в хаки, как следует быть.

– Э-э, милейший! Позвоните-ка мистеру Кингстон-Литтлю.

– К сожалению, мистер, это невозможно. Станция не соединяет никого.

– Но я требую.

– Требуйте.

Экран гаснет. Ундерлип скисает вторично. Вот до чего дошло? Армия! Если даже армия, то дело дрянь. Неужели как в России?

Что-то грохочет на улице, под окнами дома. Накатыва-

ется, наползает что-то громоздкое, тяжелое, медлительное. Ундерлип прижимает свою голую голову к стеклу.

И тотчас же откидывается назад.

Головы. Вся площадь перед домом густо, плотно засеяна головами. Черные, белокурые, серебряные. Кепки и шляпы сброшены. Кровавятся крылья знамени. Длинный хобот пушки...

Вооружены даже женщины. Опоясаны пулеметными лентами. Ощетинились штыками колючие, как ежи, автомобили. Глинистые крапины хаки в море пиджаков и курток. Поют. Все поют...

Ундерлип, миллиардер, король хлеба, опускается ниже, ниже. Садится на пол. Король хлеба!

Т-с-с! Ундерлип ползет на четвереньках от окна к окну и задергивает гардины. Тс-с! Он пробирается в свой собственный кабинет, к своей собственной стальной кассе. На цыпочках. Он вкладывает ключ, отпирает кассу и сует в карман халата бумаги, горсти золота, еще бумаги. В карманы халата!

Точно вдруг раскупорились тысячи бутылок. Звенит стекло. Яркий свет над головой Ундерлипа. С потолка падает кусок штукатурки. В зеркальном стекле окна маленькая дырочка, и от нее, точно паучьи ноги, разбегаются во все стороны трещины. Что-то взорвали на улице, что-то ударило, сотрясло почву. Звякнули и остановились часы. И сразу загремело несколько громов, от которых зазвенели окна, дрогнули стены, забрякали хрустальные подвески на люстрах.

На цыпочках Ундерлип скользит к окну вдоль стены и, спрятавшись за рамой окна, глядит на улицу. Над площадью навис желтый дым. Белые грибы дыма всплывают на краю неба, где-то далеко над толпой небоскребов. Площадь пуста. Там и тут на ее асфальт кроваются брошенные знамена и ползут темные живые бугорки, оставляя за собой алые следы. По краям площади, у самых стен обступивших ее домов блистают короткие огненные вспышки. Что-то, гудя, как трамвай, проносится в светящемся облаке над площадью и падает на асфальт. Оно вертится волчком, врываясь вглубь и разбрасывая вокруг фонтаны щебня и песка, потом грохочет и вскидывается вверх столбом дыма, огня и осколков. Окно, у которого стоит Ундерлип, лопается сверху донизу длинной, разветвленной, точно сороконожка, трещиной.

Так! Так! И вот так. И еще так! – торжествует Ундерлип, следя за полетом снарядов.

И вдруг он видит из окна: в подъезде его дома, собственного дома Ундерлипа, на ступеньках лежит человек в синем костюме, с винтовкой в руках. Этот человек набивает в камеру винтовки обойму с патронами, вытягивает руки с винтовкой и – бац-бац-бац! На ступеньке его собственного дома! Впрочем, может быть, это патриот? Если патриот, то, конечно... Почему бы ему не стрелять в красных со ступенек собственного дома хлебного короля?

Да, верно. Это патриот Сэм. Но он, этот патриот, стреляет не в красных, а в своих. Патриоты засели на противопо-

ложном конце площади, у края панели, и чахоточный Сэм, покашливая и похаркивая, посылает им пулю за пулей.

Опять снаряд. От его разрыва лопнувшее окно в кабинете Ундерлипа разлетается в мелкую стеклянную пыль, и волна сгущенного воздуха, ворвавшись в кабинет, ударяет в люстру. Осколки хрусталя падают сверкающим дождем на красный бобрик на полу.

Ундерлип снова опускается на пол. Его посиневшие губы пляшут. Он ползет по-собачьи по бобрику, не находя в растерянности дверей, тычется головою о стены, задевает и опрокидывает тумбу с вазой и, со страху, совсем распластывается на полу.

Да, да, надо выбраться отсюда. Куда-нибудь пониже, пониже. Ундерлип, миллиардер, ползет на животе по ступенькам. Он добирается до дверей каморки Дика, открывает дверь и поднимается на ноги. Он садится на табурет, но, почувствовав тошноту, ложится на жесткую кровать своего слуги. Ундерлип, хлебный король!

У полицейского автомобиля, на котором агент Пик везет Джека Райта, лопается передняя шина. Она лопается со слишком сильным грохотом, с каким-то двойным взрывом, и сидящий справа, как раз у этой шины, Пик быстро прячет в карман револьвер. Может быть, Пик выстрелил в шину?.. Очень может быть.

Во всяком случае, автомобиль дальше не поедет, потому

что нет запасной шины. Не угодно ли мистеру Райту вылезть из автомобиля? К сожалению, придется пройти пешком версты полторы. Один полисмен останется с машиной, потому что шофер отправился за шиной, а автомобиль нельзя оставлять в этой глухой местности без надзора. Другой полисмен пойдет сзади, а Пик, с позволения мистера Райта, должен взять его под руку. Вот так. И мистеру удобно, и для Пика надежнее.

Не обижается ли мистер Райт на Пика за недоверие? Честное слово, Пик действует в интересах мистера Райта. Мало ли что в положении мистера Райта может взбрести в голову? Например, может взбрести в голову сумасшедшая мысль – бежать. Да, сумасшедшая. Знает ли мистер инструкцию? Нет? Инструкция предписывает: в случае, если арестант – извините, ради бога, сопровождаемый конвоем, попытается бежать, конвой, при невозможности задержать арестанта – простите! – обязан стрелять. Заметьте, мистер Райт, обязан! Таким образом, беря под руку мистера Райта, Пик гарантирует его от двух бед: от попытки бежать и своей обязанности стрелять...

Да, местность глухая. И к тому же темно, как у негра... Где у негра темно? Ну, скажем, в носу. И еще к тому же в этой местности – свалки. Тут легко спрятаться так, что даже полицейская собака не сыщет. Стоит только отбежать на несколько шагов и – ищи ветра в поле!

Джек Райт крепко сжал челюсти и молчит. Эта лопнувшая

шина. Конечно, Пик выстрелил в шину. Джек Райт слишком крупный зверь, чтобы рискнули вести его пешком, ночью, под конвоем двух полисменов. И еще: второму полисмену ведено идти сзади. Почему?

Джек Райт далеко не трус. Он бывал в разных переделках. Но сейчас у него крепко бьется сердце, и он плотно сжимает челюсти, чтобы не обнаружить дрожь, которая пробегает по его телу. Инструкция. Это очень удобная инструкция, когда полиции надо убрать революционера, не прибегая к суду.

Может быть, мистер Райт молчит из презрения к Пику? Мистер, надо знать душу человека. Пик сочувствует некоторым идеям. Если бы Пика спросили, надо ли держать в тюрьме такого блестящего оратора, как мистер Райт, Пик ответил бы: нет, тысячу раз нет! И если бы Пику не угрожала неприятность по службе, он, пожалуй, исполнил бы инструкцию спустя рукава и дал бы мистеру Райту скрыться.

А ведь идея, в самом деле! Предположим, мистер Райт делает попытку бежать, а Пик стреляет из этого браунинга вверх или в другую сторону. Инструкция выполнена и никаких неприятностей. А?

Обдавая Райта запахом гниющих зубов, Пик шепчет ему в лицо:

– Как вы думаете? А? Право, я симпатизирую вам.

И в это время выпускает руку Райта и, сбавив шаг, чтобы отстать от него, поднимает правую руку с браунингом.

Но прежде чем Пик успевает нажать спуск, Райт быстро

оборачивается к нему и ударяет его кулаком по руке. Браунинг падает. Райт отбрасывает его ногой и, низко пригнувшись к земле, скользит в темноту.

– Стреляй, дьявол! – кричит Пик.

Полисмен выпускает один за другим заряды. Оба зажигают электрические фонарики и рыщут между холмами отбросов, гниющих на свалках. Пик не находит ничего, кроме своего револьвера. С досады он тоже выпускает все заряды и одновременно выпускает весь свой запас отборнейших выражений. Так как у него больше нет в запасе ни пуль, ни крепких слов, то он хлопает себя по одной щеке, потом по другой:

– Болван! Идиот! Промазал, старый дурак! Где твои пятьсот долларов, растяпа ты этакая?

После этой тирады Пик сует свой браунинг в карман и молча шагает с полисменом в обратный путь.

VII

Если красные возьмут верх, Кингстон-Литтль лишится Ундерлипа – курицы, несущей золотые яйца, и, может быть, лишится даже головы, рождающей блестящие идеи. Те, кто имеют работу, бросили ее. Безработные хотят работать. Великая забастовка может быть сорвана и будет сорвана.

Эту идею Кингстон-Литтль выбрасывает на митингах. Летая на автомобиле с одного конца Нью-Йорка в другой, он щедро сеет в головы безработных патриотов: кто хочет работу, немедленно получит работу за двойную плату.

Улицы перетянуты колючей проволокой, взрыты, загромождены опрокинутыми омнибусами, телегами, телеграфными столбами. Одни баррикады покинуты, и собаки слизывают на мостовой подле них кровь. У других баррикад кипит бой. Новобранцы – с красными. Часть артиллеристов прикнула к красным. Мужики с юга с крепкими затылками, с воловьими шеями, с низкими лбами, бьют красных. Они истые патриоты, потому что дорогой хлеб – это хорошие доходы, это крепкое хозяйство. Идея Ундерлипа им по нутру, этим мужикам с ферм и хлебных плантаций. Поэтому, сменив крестьянское платье на хаки, они крепко стоят за порядок Ундерлипа и послушно идут, под командой инструкторов, брать баррикады и бить красных.

Бродвей был в руках патриотов. Сам Кингстон-Литтль си-

дел в бывшем клубе красных «Пятиконечная Звезда» и распоряжался ходом сражения. И вдруг. Да, да, совершенно неожиданно. На Бродвей-стрите появились танки. Четыре танка. Медленно ползли эти бронированные черепахи, громяхая своими тяжелыми цепями, напоздали на заграждения и давили их в лепешку.

Нет! Ни за что! Кингстон-Литтль не согласится очистить Бродвей. Разве в Нью-Йорке только четыре танка? Двиньте белые танки против красных. Начальник штаба патриотов на Бродвей-стрите, тряся своей метелкой-бородой, разводит руками; броневые части вообще ненадежны. Танки ненадежны. Командование сознательно не двигает их в бой, потому что... Потому что в броневых частях служат обыкновенно горожане. А городские рабочие, мистер Кингстон-Литтль, это городские рабочие. Да!

Бронированные гусеницы переползают через последние заграждения патриотов. Кингстон-Литтль выходит из клуба «Пятиконечная Звезда» и садится в автомобиль. В эту минуту на его колени падает сверху четырехугольный красный листочек. Кингстон-Литтль подносит его к глазам:

«Бостон в руках коммунистов. В Англии восстала половина флота».

Восковые пятна проступают на щеках и на лбу Кингстон-Литтля. Он комкает красный листок и кричит шоферу: — Черт вас возьми! Что вы возитесь там? Трогайте, черт вас возьми!

На углу Бродвея, в аптеке – перевязочный пункт. С Сэмом случилась маленькая неприятность. Пуля впиалась ему в левое плечо как раз в ту минуту, когда он целился в Кинг-стон-Литтля, усаживающегося в автомобиль. Ах, как жаль, что ему не удалось уложить этого мошенника.

В дверях аптеки Сэм сталкивается носом к носу с Джеком Райтом. Сэм разевает рот, выпучивает глаза и смотрит на Джека Райта.

– Что вы так уставились на меня, товарищ?

– Я... вы... Кингстон-Литтль... Бомба... – лепечет Сэм.

– Какая бомба? Где бомба?

– Разве вы не в тюрьме, мистер Райт?

– Как видите, милый, я не в тюрьме.

– И вам ничего не сделали?

– Как видите.

Сэм забывает про свою рану. Он хватается Джека Райта за руку и тянет его в уголок аптеки.

– Я должен сказать вам что-то, мистер Райт.

– Но, может быть, время терпит, мистер? У вас плечо в крови. Сделайте себе раньше перевязку.

– Нет, нет, мистер Райт. У меня болит в другом месте, вот здесь, – стучит себя в грудь Сэм. – Перевязка не поможет.

– Чудак! – пожимает плечами Джек Райт и отходит с Сэмом в угол. Сэм пыхтит. Он не знает, с чего даже начать. И вдруг выпаливает:

– Это я бросил бомбу!

Райт недоуменно смотрит на него.

– Тогда... Пятнадцатого числа... Из вашего клуба «Пятиконечная Звезда»...

– Вы? Зачем же вы это сделали, мистер? Кто вам ее дал? Джек Райт сверлит блестящими глазами Сэма.

– Кто вам дал бомбу?

– Кингстон-Литтль, мистер.

– Кингстон-Литтль? Лично?

– Лично. Сам. У себя на квартире.

– Вы были патриотом, мистер?... Не знаю, как вас зовут.

– Сэм. Меня зовут Сэм... Я был патриотом. И безработным. Кингстон-Литтль заплатил мне двести пятьдесят долларов...

– Ага! Ага! Отлично, мистер Сэм! Отлично! Делайте скорее свою перевязку.

– Мистер Райт. Еще одно словечко. Кингстон-Литтль уверял меня, что это не бомба, а хлопушка.

– Ладно, ладно, Сэм. Ждите меня здесь. Через десять минут мы поедem.

В дверях Джек Райт останавливается на минуточку в раздумьи и возвращается к Сэму.

– Слушайте, товарищ. Вы не боитесь рассказать все это на митинге патриотов в лицо самому Кингстон-Литтлю?

– О, мистер, я брошу все в лицо этому мошеннику. Я ничего не боюсь.

– Отлично, мистер Сэм, отлично!

В большом крытом пакгаузе у гавани, тускло освещенном несколькими угольными лампочками, выступает Кинг-стон-Литтль. Его коротенькое, толстенькое тело взгромоздилось на тюк с хлопком, заменяющий трибуну. Он машет руками, точно птица крыльями, и бросает в тесную, плотно сбитую толпу патриотов свою идею срыва великой забастовки:

– Завтра с утра на всех фабриках Нью-Йорка начнется прием новых рабочих. Идите работать. Вы получите двойную плату. Патриоты должны помочь правительству справиться с этой чумой, занесенной к нам из Москвы. Двойная плата и акции компании «Гудбай», дающие высокий дивиденд, в рассрочку каждому патриоту.

Человек десять проталкиваются к Кингстон-Литтлю.

Они окружают тесным кольцом Сэма и пробивают себе дорогу локтями и кулаками. Они кричат во всю силу своих глоток «ура», как и настоящие патриоты, и им очищают дорогу. И, пробившись к тюку с хлопком, Сэм кричит Кингстон-Литтлю:

– Мистер Литтль! Мистер Литтль! Я хочу сказать несколько горячих слов. Я только что из Бродвея, из самого гнезда красных. Дайте мне слово.

– Пусть говорит! – кричат во все горло десять человек, сгрудившись вокруг Сэма.

– Пусть говорит! – подхватывает собрание.

– Говорите, мистер Сэм, – приглашает его жестом на тюк хлопка Кингстон-Литтль.

И вот Сэм на тюке, рядом с Кингстон-Литтлем. Вместе с кровавым плевком он выбрасывает из своей груди:

– Товарищи! Вы помните бомбу на Бродвей-стрите? Кингстон-Литтль подскакивает, хватая Сэма за руку.

– Молчите, болван! Об этом теперь не время говорить.

– Пусть говорит! – орут товарищи Сэма.

– Дайте ему говорить! – грохочет собрание. И Сэм говорит.

– Эту бомбу бросили в патриотов не красные. Эту бомбу дал мне Кингстон-Литтль и велел мне бросить в вас.

Кингстон-Литтль опять подскакивает и хватая Сэма за горло.

– Ты лжешь, bestия! Тебя подкупили.

– Да, подкупили! – оттолкнув Литтля, кричит Сэм. – Этот мошенник заплатил мне двести пятьдесят долларов. Он втер мне очки. Он втирает вам очки, товарищи.

– Долой агентов Москвы! – кричит Кингстон-Литтль.

– Долой! Долой! – подхватывают все. – Бей его!

И вдруг на трибуну вскакивает высокий тонкий человек с алым крестом на лбу.

– Я – Джек Райт, коммунист! – бросает он металлическим голосом.

Кингстон-Литтль цепенеет. Все собрание цепенеет.

– Кингстон-Литтль подстроил историю с бомбой, чтобы упрятать нас в тюрьму. Для своей игры он не пожалел вашей крови. Гоните вон Кингстона-Литтля. Он лакей миллиарде-

ров.

Толпа патриотов бросается к трибуне с ревом:

– Ложь! К суду Линча красную собаку!

Другая толпа патриотов стучит палками и кулаками.

В правом углу пакгауза гремит выстрел. Пуля свистит у уха Райта. Кто-то обрезает электрический провод. Свет гаснет. Свалка. Револьверные выстрелы хлопают, как удары бича. Десять человек с Джеком Райтом во главе вырываются из пакгауза на улицу и, сев в автомобиль, мчатся из гавани в город.

VIII

– Алло! Кингстон-Литтль вызывает мистера Ундерлипа. Это правда? Фоторадиофон работает? Или слух лжет. Ундерлип решительно не верит своим ушам.

Но труба фоторадиофона упорно выкликает:

– Алло! Алло! Мистера Ундерлипа...

– Как, как? А ну-ка, повторите еще раз.

– Вызывают мистера Ундерлипа! – труба фоторадио-фона гремит на всю комнату.

Отлично. Очень... Итак, красным – капут. Все приходит в порядок. Будет свет. И вода. И акции. И дивиденды. Ура! Ура! Молодцы патриоты.

– Я, это я, Ундерлип, Кингстон-Литтль.

– Дорогой Кингстон-Литтль, скорее же. Ну, ну! Коротышка Кингстон-Литтль на экране – весь как есть.

Только вот голова... Она точно в белой ермолке, от лба до затылка и ушей забинтована. Ранены? Пустяки? Отлично. Превосходно. Ну же?

Разве мистер еще не знает? Эге! В Америке сыскался человек, который умеет употреблять порох. Кто такой? Генерал Джордж Драйв. Железная рука! Каменное сердце!

Кингстон-Литтль потрясает своим кулачком в воздухе. Это означает железную руку. Потом он ударяет себя кулачком в грудь, демонстрируя железное сердце генерала Драйва.

Генерал Джордж Драйв сказал: «Нам не нужны говорильни». Теперь эти золотые слова стали лозунгом всех патриотов. Палата распущена. Сенат тоже. Президент распущен... То есть нет. Президент передал свои полномочия генералу Джорджу Драйву.

Что мистер говорит? Это пахнет диктатурой? Совершенно верно, диктатура. Железная и беспощадная. Генерал Драйв не знает разных фигли-мигли. Что такое «фигли-мигли»? Генерал не любит дипломатии. Например, в Бостоне были взяты в плен две тысячи красных.

Генерал отдает приказ: «расстрелять». Всех? Ну да! Всех до одного. Поставили пулеметы и чик-чик-чик! Чисто сделано! Демократы Бостона послали депутацию к генералу. Так и так, генерал, во имя гуманности следует помиловать женщин. Что им ответил генерал Драйв?

Тех, кто будет мешать мне гуманностью, я буду вешать. Красных расстреливать, а гуманных вешать. Да-с!

Ундерлип просит Кингстон-Литтля держаться ближе...

Что слышно в Нью-Йорке? Где же газ? Где электричество? Почему все еще не выходят газеты?

Кингстон-Литтль не отвечает. Вот ответ. Он разворачивает белую афишу. Фоторадиофон приближает ее. Ундерлип читает вот что:

«Я, главнокомандующий республики, генерал Д. Драйв, объявляю:

Во-первых, жителям – в суточный срок сдать все

оружие. Ослушники будут расстреляны без суда.

Во-вторых, солдатам – в двадцать четыре часа вернуться в казармы. Ослушники будут расстреляны без суда.

В-третьих, рабочим – в суточный срок стать на работу. Ослушники будут расстреляны без суда.

В-четвертых, всем – сидеть дома. Ослушники будут расстреливаться патрулями на улице.

В-пятых, массовые скопища прекратить немедленно. Будет применен артиллерийский огонь из тяжелых орудий, без предупреждения.

В-шестых, всем благоразумным гражданам в суточный срок выехать из Бруклина, цитадели красных. Через двадцать четыре часа в Бруклин будут выпущены ядовитые газы.

Генерал Д. Драйв».

Ундерлип читал афишу раз. И еще раз. Браво! Браво! Вот это настоящие слова!

Но вдруг восторг Ундерлипа подмораживается сомнением. Что, если ослушников окажется больше, чем послушных? Кто будет тогда расстреливать?

Мистер Ундерлип может положиться на генерала Джорджа Драйва. Железная рука! Каменное сердце!

Эта приятная беседа по фоторадиофону внезапно обрывается. Гаснет экран. Труба немеет. Ундерлип остается с раскрытым ртом у приемника.

В кабинете Ундерлипа колеблется из стороны в сторону

копье света одинокой свечи, источающей стеариновые слезы. Из разбитого окна, заклеенного бумагой, тянет ночным ветром. На улице ревут орудия и тарахтит заглушенная пулеметная дробь. Голубовато-белый меч прожектора воровато крадется по площади и, ткнувшись в окно, зыблется на полу, на стене, на потолке и гаснет.

Может быть, разговор с Кингстон-Литтлем – сон. Может быть, генерал Джордж Драйв и его афиша, расстреливающая всех поголовно без суда, выдумка или призрак. Одно ясно: ночь за окнами черна, свеча на столе одинока и жалка, окно в кабинете миллиардера разбито и убого заклеено бумагой. А яснее всего – пальба, эта пальба без роздыха и без конца.

Щеточка белых усов. Серебряные ключья бровей. Ледяные серые глаза. Колкая белая щетина на голове. Острый клюв навис над сбегаящими вниз тонкими синими губами. Генерал Джордж Драйв, диктатор.

Перед генералом Драйвом директор электрического треста. Генерал указывает своим сухим пальцем на свечу.

– Что это такое?

– Свеча.

– У меня есть имя и чин. Повторите ответ полностью. Что это такое?

– Свеча, генерал Драйв.

– Верно. Сверьте свои часы с моими, мистер. Теперь двадцать один час и семь минут. Сверили?

– Да, генерал.

– Завтра в двадцать один час и семь минут здесь не должно быть никакой свечи. Электричество будет работать.

– Но, генерал... Если бы это была экономическая забастовка, мы уладили бы. Но это политическая забастовка...

Генерал резко прерывает директора:

– Никакой разницы. Разница между экономической и политической забастовкой сидит в вашей голове. Вы будете повешены, мистер, если завтра к двадцати одному часу будет еще существовать основание для разницы. Больше ничего. Вы можете идти.

То же самое генерал говорит директору городских железных дорог:

– Без всяких «но». Завтра начнется движение, или вас повесят, мистер. Будьте здоровы.

Затем он подходит к столу с разостланной на нем картой Нью-Йорка, на которой красными крестиками размечены очаги восстания, и велит пригласить к себе начальников частей.

– Капитан Крук!

– Есть, генерал.

– К тринадцати часам Слэм будет разнесен пушками.

– Артиллерия ненадежна, генерал.

– Это меня не касается. Она будет надежна, или вы будете поставлены к стенке. Полковник Росмер!

– Здесь, генерал.

– К тринадцати часам взять Манхэттен.

– Будет исполнено, генерал.

Капитан Кар не может выговорить ни слова. У него свело челюсти. На лбу выступил пот.

– Мои танки... Генерал, мои танки... – лепечет капитан Кар.

– Ну да, ваши танки, капитан.

– У меня нет танков, генерал.

– Где же они, капитан Кар?

– Они перешли на сторону красных.

– Капитан Кар, отдайте мне ваше оружие. Так. Полковник Росмер, передайте капитана Кара конвойным на гауптвахту. Поручаю вам распорядиться... чтобы к утру капитан Кар был расстрелян.

Полковник Росмер бледнеет. У него дрожат руки.

– Ну, полковник?

– Генерал. Поручите это кому-нибудь другому. Капитан Кар – муж моей дочери, генерал.

– На службе нет родства. Он муж вашей дочери? Вы выбрали ей плохого мужа, а потому вы сами будете распорядиться расстрелом. Или... Вы понимаете? Налево кругом – марш!

– Слушаюсь, генерал.

В кабинет входит офицер, забрызганный с ног до головы грязью. Приложив руку к козырьку, он деревянно рапортует:

– Имею честь доложить, что моей частью взято в плен около трехсот повстанцев.

– Около? Что значит «около»? Точно!

– Двести восемьдесят мужчин, семь женщин и три подростка, генерал.

– Я уже приказал: пленных не брать.

– Мужчины расстреляны. Но женщины и эти дети, генерал.

– В моем приказе нет оговорок о поле и возрасте. Расстрелять. После подавления восстания вы сядете под арест на двадцать восемь суток. Ваша фамилия?

– Капитан Генри, генерал.

– Адъютант, запишите: капитан Генри. На двадцать восемь суток. Ступайте, капитан Генри.

В три часа ночи генерал Драйв отправляется спать.

Он стаскивает сапоги и ложится в одежде на походную складную кровать. У дверей огромной комнаты, в которой он спит, дежурят офицер и двое часовых. Оставшись один, генерал Драйв осторожно крадется к двери. Пробует, заперты ли двери. Возвращается на место, ложится и опять вскакивает. Где револьвер? Разве можно, ложась спать, не иметь револьвера наготове? А вдруг! Чем черт не шутит. Генерал Драйв осматривает обойму: патроны на месте. Опять ложится и опять вскакивает. Бежит к дверям. Отпирает их.

– Дежурный! Дежурный! – зовет он.

– Здесь, генерал.

– Ага! Хорошо. Войдите-ка на минутку ко мне. Затворив двери за дежурным офицером, генерал Драйв спрашивает

его шепотом:

– Стража расставлена?

– Расставлена, генерал.

– Сколько человек?

– Пятьдесят, генерал.

– Пятьдесят человек. А если повстанцы... Двести надо, двести, не меньше. И надежных людей. Вооружитесь ручными гранатами. Слышите?

– Слушаюсь, генерал.

Вслед уходящему дежурному офицеру генерал Драйв кричит:

– Если что-нибудь случится, то... без суда. К стенке.

И так всю ночь. Генерал Драйв временами забывается легким сном. Временами! Но больше бодрствует. Бродит в носках по огромной комнате. Слушает орудейный грохот. Что-то шепчет. Осматривает двери. Примыкает глазом к замочной щели и оглядывает двух часовых, стоящих по обеим сторонам дверей, ведущих в коридор, офицера, дремлющего за столиком со свечой. И опять шепчет. И опять бродит в одних носках. Генерал Джордж Драйв, диктатор, не спит всю ночь.

IX

Человек, имеющий свою собственную мотоциклетку, ничего не делает сломя голову. Собственная мотоциклетка внушает благоразумие и осторожность. Сосед Сэма, токарь Кистер, действует с опаской и оглядкой. Знает ли мистер Сэм, что такое риск? Ничего нет легче, чем понять головой, что такое риск. Но почувствовать сердцем, душою – это, мистер Сэм, не всякому дано.

– Черт возьми, прожил-таки жизнь, – поглаживая седую бородку, растущую гвоздиком из подбородка, говорит токарь Кистер. – Да, Сэм, я прожил жизнь. У меня есть кое-что позади и есть кое-что впереди, Сэм. Ваш брат ходит по свету с пустыми руками. Что вам терять? Вам нечего терять, Сэм. Если бы я был в вашем положении, пропадай моя телега, все четыре колеса! Но в моем положении – иное дело.

У токаря Кистера имеется не только собственная мотоциклетка. У него золотые руки. Тот, кто работает по выточке точных инструментов, не пропадет на свете.

– Ваш Хорн сулит журавля в небе, которого надо прежде всего достать. У меня в руках своя маленькая синица, и я боюсь ее упустить. Моя голова для меня, Сэм, дороже всех посулов на свете. Потому что, если меня убьют, мне не нужно будет никаких журавлей.

Сэм сидит в комнате у токаря Кистера, пьет кофе с булоч-

ками, приготовленными женою Кистера, и чувствует благополучие Кистера. Гарнитур зеленой плюшевой мебели, кисейные занавески на окнах, граммофон на столе это не пустяки, черт возьми. Да, у токаря Кистера имеется в руках своя синица.

Но Сэм все-таки не сдает позицию. Разве токарь Кистер не чувствует железной лапы этих золотых мешков? Еще как! Мистер Кистер получает меньше, чем он стоит.

То-то! Если Кистер заболит, все его благоденствие разлетится, как дым. Так, так! А если он умрет, его жена, его дети... Ага! Именно, именно, про это и говорит Сэм, про это говорит Эдвар Хорн.

– Нет, Кистер, ваша синица слишком маленькая синица, – торжествует Сэм, – ваша синица, Кистер, не стоит хорошего плевка.

Сэм пахнет порохом. Всю ночь он сражался на Манхэттене. Левое плечо его забинтовано. Нет, Сэм неблагоразумен и не будет благоразумным. Когда все голодают, а десятка два миллиардеров купаются в роскоши, Сэм плюет на благоразумие и советует Кистеру сделать то же самое.

– Вы задели мое самолюбие, Сэм, – Кистер делает обиженное лицо и дергает свою остренькую бородку. – Вы думаете, что у меня нет чувства товарищества? Что я думаю только о своей шкуре? Вот, смотрите.

Кистер лезет в свой боковой карман и, вытащив карточку, сует ее под нос Сэму.

Те-те-те! Рабочая партия! Токарь Кистер – член рабочей партии? Ведь это же втиратели очков. Они сидят на двух стульях сразу. Эдвар Хорн разоблачил их, и Сэм знает хорошо этих господ. Они тоже кричат о пролетариате, тоже клянутся Марксом и Лениным, тоже колотят себя кулаком в грудь, а тайком шушукаются с капиталистами. Что? Разве не так?

– Вы слышали когда-нибудь Эрна, Сэм? Ну, вот! Вы не слышали Эрна, оттого вы так говорите. Послушайте Эрна. Советую, Сэм. Я, кстати, собираюсь на собрание, на котором будет выступать Эрн. Идемте.

Сэм собирается на собрание, на котором будет выступать Эдвар Хорн. В двенадцать часов. Как? И Эрн выступает там? В том же помещении? Вот так штука. Эрн против Хорна. Это любопытно.

Несмотря на запрещение генерала Драйва, благоразумный Кистер выходит на улицу. Ведь грозил же генерал Драйв пустить газы на Бруклин. И что же? Химическая рота перешла на сторону красных, и газы остались пустой угрозой. Пока солдаты Драйва еще не проникли в Бруклин, нечего бояться расстреливающих афиш диктатора Драйва.

Оба приятеля – благоразумный токарь Кистер и неблагоразумный Сэм идут на собрание, где Эрн будет выступать против Хорна.

В зале много Кистеров и Сэмов. Кистеры одеты аккуратно, Сэмы оборваны. Кистеры ведут себя чинно и солидно, Сэмы вооружены, шумливы и взволнованы.

Теодор Эрн. Сэм где-то видел этого чернобородого человека, плотно сбитого и плотно сложенного. Да, да, да!

Это врач, у которого Сэм лечился еще тогда, когда был безработным. Два доллара за совет, а бедные – по пятницам. Мистер Сэм, вам нужно ехать на юг, кушать виноград и пить молоко, а если у вас нет средств, то мне нечего вам сказать. Такой разговор был у Сэма с Теодором Эрном три года тому назад. Ничего общего с политикой.

Теодор Эрн разглаживает свою бороду и гудит, как большая муха. Революция – это не вспышкопускательство. Маркс сказал... Энгельс сказал... Каутский говорит... Точно град тяжелых камней сыплются на головы Сэмов и Кистеров ученые выкладки и соображения. Кистеры делают умные лица, у Сэмов в глазах тоска. А Теодор Эрн, поглаживая свою бороду, бубнит и бубнит. Революции не делают штыками. Революция, видите ли, тонкая штука. Ее делают, видите ли, мирным путем, у избирательных ящиков. Вы хотите добиться социализма? Великолепно! Подавайте голоса, сыпьте побольше голосов, и когда Теодор Эрн и его единомышленники займут всю левую, и весь центр, и всю правую парламента, и тогда не будет ни левой, ни центра, ни правой, а будет социализм. Без единой капли крови, без единого выстрела. Голоса? Голоса!

Голос Теодора Эрна густеет. Теперь уже гудит не одна муха, а целый рой больших мух. Благоразумие, мистеры! Сотни расстрелянных... Тысячи убитых. В профессиональных

кассах не осталось ни цента. Великая забастовка выкачала всю наличность. Генерал Драйв возьмет верх. Что тогда, мистеры? О, мистеры, начинается реакция. Что такое реакция? Профессиональные союзы будут разогнаны. Все будет разогнано. Благоразумие, мистеры, благоразумие!

– Ага! Ага! Мы же говорим то же самое, – торжествуют Кистеры.

– Золотые слова! Браво, Теодор Эрн, браво!

– Пора прекратить волынку! На работу, мистеры! Сэмы возмущены:

– На работу? Ломать стачку? Попробуйте, мистеры.

– Пусть говорит Хорн. Подавайте нам Хорна.

Эдвар Хорн не говорит, а выжигает каленым железом... Маркс... Энгельс... В руках Хорна они жгут душу, они трубят сбор боевых сил. Благоразумие? Где было ваше благоразумие, когда миллиардеры объявили войну? Вы говорили об обороне отечества. Почему мистер не говорит об обороне пролетариата? Мистер говорит о благоразумии, когда на нашей стороне половина армии. Благоразумие, когда улицы Нью-Йорка забрызганы рабочей кровью. Пусть мистер отправляется к диктатору генералу Драйву, и пусть он с ним поговорит о благоразумии.

Сэмы кричат и стучат ногами и палками.

– Браво, Хорн! Браво! К черту благоразумие.

– Пусть идет к Драйву! Долой Эрна!

Кистеры тоже стучат ногами и палками и тоже кричат:

– Долой Хорна! Долой забастовку!

– У нас есть семьи! Долой отчаянных!

Но Эдвар Хорн не кончил. Когда стихает шум, Хорн выдвигает против Эрна факты: южные и восточные штаты в руках красных. Президент... Что он сказал о президенте? Разве это может быть? Президент арестован?! Сам президент!

– У-ра! У-ра!

– Гип! Гип!

Да, да, президент арестован. Правительство Соединенных Штатов наполовину сидит в тюрьме, а наполовину скрылось.

– Гип! Гип! Мы будем их судить.

– На веревку президента! Гип! Гип!

Но Хорн продолжает. Мистеры услышат кое-что и о флоте. Не сегодня так завтра. А слышали ли вы о том, что делается в Англии? Английский флот восстал. В Лондоне бои. Может быть, мистер Эрн отправится к диктатору Драйву? Может быть, он скажет ему несколько слов о благоразумии. О том, что его дело проиграно, и о том, что пора прекратить кровопролитие.

Кистеры молчат и, насупившись, покидают зал. Сэмы подхватывают Хорна на руки и несут его по улице.

И поют... В пороховой копоти, со шрамами на лицах, с перевязками, с револьверами за поясами, с винтовками за плечами, они поют. И город отвечает им ревом орудий и болтовней пулеметов.

Город ревет ту же песню огня и битвы.

На заре генерал Драйв перестал бегать по комнате, щупать свой браунинг, шептать. Он засыпает. Но сквозь сон он слышит стук в двери и вскакивает:

– Кто там? Кто там?

И хватается револьвер, наводит на дверь.

– Кто там? Кто стучит?

– Срочное донесение, генерал.

Генерал Драйв влезает в домашние туфли и отпирает дверь. На всякий случай револьвер под рукой на столе, палец на спуске.

– Под козырек! Руку под козырек! По уставу! Ординарец не может взять под козырек. У ординарца весь правый рукав в крови. Кровь капает с рукава и алыми звездочками ложится на пол.

– На эстафете указано: доставить в двадцать два часа. Теперь пять. Почему вы опоздали на целых семь часов? – Генерал смотрит своими колючими глазами на ординарца.

Гавань занята красными. Ординарец пробрался через заграждения красных. Бродвей занят красными. Ординарца ранили на Бродвее.

– Я ничего не хочу знать о красных и о том, что они заняли. Вы должны были умереть, дважды умереть, семьдесят раз умереть, а доставить эстафету в срок. Адьютант, запишите под суд. Ваша фамилия?

– Грахам, генерал.

– Запишите под военный суд.

– Есть, генерал.

Генерал Драйв вскрывает пакет. Во флоте началось брожение. Адмирал не ручается. Младшие офицеры колеблются. Адмирал просит...

Генерал Драйв рвет эстафету на мелкие клочья. Эти клочья он рвет на мелкие клочки. Генерал забыл об ординарце и рвет, и рвет бумагу, шепчет что-то синими губами. И вдруг вскакивает и кричит:

– К стенке, к стенке! Расстрелять! Пишите, адъютант. Пишите же!

– Кого расстрелять, генерал?

– Кого? Меня! Вас! Всех! Пишите же!

Он опускается на стул и берет себя в руки. И слабым старческим голосом говорит:

– Пишите приказ. Полковнику Томсону с полком пехоты и полковнику Дебреру с артиллерией немедленно двинуться к гавани. Умереть, а пробиться. Пишите! Пехоту разместить по указанию адмирала на подозрительных судах, арестовать зачинщиков и неблагонадежных. Флот взять под обстрел артиллерии и, в случае чего, начать бомбардировку флота. Пишите.

– Готово, генерал.

– В одиннадцать часов все должно быть исполнено. Пишите.

– Написано, генерал.

– Уходите.

Генерал запирает дверь и, оставшись один, начинает за-
чем-то рыться в своем чемодане.

Часть вторая

Х

На дредноуте «Авраам Линкольн» стоит часовой. Окаменел. Часть огней притушена. Электрические груши тускло желтеют на мостике, в кают-компании, на шканцах...

Из океана наползает туман... Пропал «Авраам Линкольн», крейсера и миноноски. Прожектор с головного крейсера осторожно прощупывает туман и вырывает из него то толпу серых труб, опоясанных черными и красными кольцами, то хобот орудия, одетого в брезент, то покатый бок подводной лодки.

Со стороны города туман пропитан кровью зарева.

Город беспрерывно рычит. Точно сотни телег на железных колесах тарахтят на его улицах. Огненный град падает над городом. Огромные огненные комья снарядов рвутся, рассекая пламенными брызгами туман и рассыпая раскаленную пыль.

Вдруг на «Аврааме Линкольне» вспыхнула и взвилась ракета.

И не успела она рассыпаться, как с крейсеров и миноносков брызнул ответный огненный дождь ракет, и все они сразу зажгли свои огни и вынырнули из тумана.

На дредноуте «Авраам Линкольн» – Джек Райт. Он идет в каюту командира, сдерживая напор матросов, рвущихся за ним:

– Тише, товарищи, тише. Я пойду один. Все в порядке?

Высокий рыжебородый матрос отвечает:

– У кают-компаний поставлены часовые. У аппаратной тоже.

– Хорошо. Погодите.

В каюте темно. Слышно дыхание спящего человека. Джек Райт поворачивает выключатель. Вот этот белый старичок, свернувшийся клубочком на койке, – адмирал Прайс, командующий эскадрой. Адмирал крепко спит и ничего не слышит. Джек Райт прикасается к его плечу:

– Адмирал, встаньте!

Старичок мычит что-то. Запах вина ударяет в нос Джеку Райту.

– Адмирал пьян как стелька. Тем лучше!

Джек Райт отбрасывает церемонии в сторону. Он трясет адмирала за плечо:

– Проснитесь же, черт возьми!

Адмирал просыпается и хлопает глазами. Он ничего не соображает. Но Джек Райт моментально возвращает его к сознанию. Он направляет револьвер на адмирала, и тот слышит нечто совершенно невероятное:

– Вы арестованы.

– Я? Что такое! Как вы... как вы здесь?

Старичок вскакивает с постели. Он смешон в своих узких, обтянутых вязаных кальсонах на сухоньких ножках.

– Вы арестованы, – повторяет Джек Райт. – Сидите на месте, иначе я пушу вам пулю в лоб. Где ваше оружие?

Да, этот длинный субъект не шутит. Оружие? Оно в ящике стола. Вот ключ.

– Одевайтесь.

– Зачем надо одеваться? – У адмирала трещит голова. Не разрешит ли ему мистер э... э... мистер коммунист остаться под арестом в каюте?

– Нет. Одевайтесь, адмирал.

– Ручается ли мистер э... э... мистер коммунист за жизнь адмирала? Команда озлоблена. Были строгости. Но ведь адмирал только исполнитель.

– Ручаюсь. До суда, конечно.

– До суда? До какого суда? Разве будет еще суд?

– Да, адмирал, будет суд. Вас будет судить рабочая власть.

Ну, скорее же!

– Ого, рабочая власть! Вот уже куда заехали дела. – Адмирал никак не может попасть в свои брюки.

– Скорее! – торопит его Джек Райт.

– Позвольте! – вдруг останавливается адмирал. – Если бы флот был на вашей стороне, меня арестовали бы матросы. Тут что-то не так. Я не повинуюсь вам. Докажите, что матросы на вашей стороне.

– Если хотите, извольте. Я не хотел предоставить матро-

сам ваш арест, потому что они озлоблены. Это кончилось бы скверно для вас. Итак, хотите?

– Нет, нет! Я готов. Матросов не надо.

Джек Райт ведет адмирала в трюм, куда загнали остальной командный состав. Матросы, скучившиеся на палубе, встречают адмирала очень шумно:

– Ага, старая собака! Кончилось твое царство!

– Зачем комедию ломать? За борт этого хрена!

– Гип! Гип! – насмешливо приветствуют адмирала.

Четыре крейсера сигнализируют светом о своем нейтралитете и разводят пары, чтобы уйти в океан. Они не приняли на борт революционеров, но и не оказывают сопротивления. Джек Райт приказывает ответить сигналом:

– Нейтральных нет. Если сниметесь с места, мы пустим вас ко дну. Сдать командный состав «Аврааму Линкольну».

Шесть подводных лодок с красными фонарями приближаются к нейтральным крейсерам. На одном из них, на «Колумбии», вспыхивает огонь. Ядро с гудением летит в океан. К «Колумбии» присоединяются «Слава Республики» и «Франклин». Сразу ревут несколько орудий, прорезая тьму светящимися ядрами.

Три крейсера против эскадры из тридцати вымпелов – это совершенно безнадежное дело. Но напакостить они могут. Джек Райт видит, что они уже напакостили: одно ядро попало в миноноску и снесло часть кормы. На транспортном судне рвется снаряд, и оно ложится на бок, а потом ныряет

в океан.

На головном крейсере распоряжается чья-то умелая рука. Сверкает какой-то непонятный Райту световой сигнал. Подводные лодки перестраиваются и ныряют. Через несколько минут в воздухе прокатывается оглушительный грохот, огромный взмет воды вскидывается у борта «Славы Республики», она раскалывается пополам и окутывается дымом и пламенем.

«Франклин» и «Колумбия» замолкают и сигнализируют о сдаче.

Ровно в тринадцать часов генерал Драйв звонит в колокольчик.

Когда электрическая сигнализация не действует, приходится пользоваться допотопными средствами.

– Вестовой? Почему не адъютант? Ушел? Куда? Офицер застрелился? Где? Когда? Кто? Подать сию минуту адъютанта.

Через несколько минут адъютант входит с передернутым лицом. Он раскрывает рот, чтобы сказать что-то, но генерал Драйв перебивает его:

– Если бы даже застрелился я – я сам! – порядок не должен быть нарушен. Ровно в тринадцать часов я ждал докладов: уничтожен ли Слэм артиллерией? Взят ли Манхэттен? Позовите капитана Крука.

– Капитан Крук застрелился, генерал.

– Застрелился? Он выполнил приказ?

– Капитан Крук застрелился потому, что не мог выполнить приказ. Артиллерия отказалась бомбардировать Слэм.

– Что? От-ка-за-лась? Пишите приказ. Расстрелять через десятого. Нет. Через пятого. Отчего же вы не пишете? Я же говорю вам: через пятого.

– Это невозможно, генерал. Артиллерия перешла на сторону красных.

– Рас-стрел...

Генерал Драйв срывается на полуслове. Холодный пот. У диктатора генерала Драйва крупные капли холодного пота на лбу. Он вытирает его рукавом и хрипло произносит:

– Тогда позовите... Дайте мне стакан воды. Благодарю. Позовите полковника Росмера.

С адъютантом происходит странная история. Его губы двигаются, но ничего не говорят. Шафрановая желтизна покрыла его лицо. Наконец он овладевает собою.

– Генерал, я боюсь сказать.

– Говорите. Говорите.

– Полковник Росмер... взят в плен.

– Ка-ак! – Генерал Драйв вскакивает с места и устремляется к адъютанту.

– Как вы сказали? Кто взят в плен?

– Полковник Росмер.

– Кем? Кем, тысяча чертей!

– Красными, генерал.

– А его полк? Где его полк?

– Полк Росмера сдался красным.

Сказав это, адъютант предусмотрительно отодвигается от генерала. Но генерал Драйв, втянув голову в плечи, маленькими торопливыми шажками выбегает из кабинета. Он бежит по лестнице вверх в свою комнату и запирает ее на ключ.

Чемодан. Где чемодан? Ах да, под кроватью. Военный сюртук? К черту сапоги со шпорами! Вон! Ну, ну скорее же! Вот оно, штатское платье, котелок, серые брюки навывпуск. Готово.

Генерал Драйв отпирает дверь и сталкивается в коридоре с адъютантом. Адъютант тоже в котелке, в брюках навывпуск и в штатском пальто.

В петлице адъютанта пылает красный бантик.

– М-м-ма! – мычит генерал Драйв и смотрит на красный бантик адъютанта. – Дайте мне кусочек этого... этой... Дайте же!

Адъютант снимает свой бант, рвет ленту вдоль на две узенькие ленточки и протягивает одну генералу.

– М-м-ма! – бормочет генерал Драйв, сунув ленточку в петлицу. – Вы не знаете, кстати, как выйти с черного хода?

Адъютант знает. Ключ от черного хода у него в кармане. Дальновидный молодой человек. Надо иметь его на примете и держаться подле него.

Но какая наглость, однако! Во дворе штаба адъютант заявляет генералу Драйву, что им не по пути и что генерал мо-

жет его скомпрометировать, потому что адъютант человек маленький и незаметный, а генерала знает каждая собака по портретам...

XI

Электричество? Не может быть! Несомненный факт. Нити в электрических лампочках накаляются, наливаются огнем, все ярче и ярче и – вспыхивают. А вода? Посмотрим, как обстоит дело с водою.

Ундерлип самолично отправляется в уборную и собственноручно открывает кран. Полной струей! Ну, а газ? Из газовой трубки вырывается кислый запах газа. Но Ундерлип не доверяет обонянию и подносит спичку к горелке. Паф! Синеньким пламенем вспыхивает венчик вокруг горелки.

Но орудийный гул хотя и слабее, а все же грохочет. Винтовочная трескотня хотя и тише, но гремит. И все чаще строчат пулеметы на улицах. Ну, все придет в срок. Нельзя же все сразу.

Браво, генерал Драйв, браво! Поставил-таки на своем. Пройдет еще пара дней, все уляжется, и тогда... О, тогда начнет работать электрический стул! Порядочно ему предстоит работы. Ундерлипу не жалко уделить генералу Драйву часть акций компании «Гудбай».

А чем это не идея? Отчего не уделить диктатору третью часть акций? Нет, это слишком много. Четвертую. Пятую часть. Да, пятую. Диктатор генерал Драйв – директор компании «Гудбай». Гениальная мысль!

А что слышно у Кингстон-Литтля? Ундерлип идет к фото-

радиофону и поворачивает рычажок. Действует, черт возьми, действует.

– Соедините же немедленно, сию секунду.

– Алло!

На экране фигура в кепке. У кепки на лацкане пиджака рубинится значок: пятиконечная звезда. Почему? Если генерал Драйв, то откуда же пятиконечная звездочка?

– Станция? Соедините, 52, Ист, номер дважды восемьдесят.

Труба фоторадио чеканит:

– По приказанию Совета, этот абонент выключен, мистер.

– Совета? Какого Совета? Совета Рабочих Депутатов? И здесь, в Нью-Йорке, есть Совет Рабочих Депутатов?

– Да, мистер, в Нью-Йорке есть Совет Рабочих Депутатов.

Извините, мне некогда.

Скажите пожалуйста, ему некогда! Какой-то Совет выключает по своему произволу абонентов! Скажите на милость! Генерал Драйв... Что же генерал Драйв, а?

Ундерлип чешет переносицу. Вот так задача. Свет есть, вода есть, газ есть, фоторадиофон действует, а генерал Драйв? Где же генерал Драйв? И почему Совет?

Он подходит опять к фоторадиофону. Он желает соединиться с редакцией «Вестника».

– Алло! Готово!

– Кто говорит? Секретарь? Отлично! Выйдет ли завтра газета? Она выйдет сегодня, вечерним выпуском? Превос-

ходно! Не распорядится ли мистер, чтоб экспедиция прислала вечерний выпуск «Вестника» мистеру Ундерлипу на дом. Что такое? Газета называется иначе? Как? Как?

– «Голос Нью-Йоркского Совета», мистер.

Опять Совета, чтоб он провалился! Секретарь обязан знать, что половина акций «Вестника» принадлежит Ундерлипу. Ундерлип требует... Мистеру тоже некогда? Тоже? Одну секунду. Ундерлипу нужен Редиард Гордон.

– Здесь нет никакого Редиарда Гордона.

– Я спрашиваю не «какого-то» Редиарда Гордона, а Редиарда Гордона, директора «Вестника».

– Мы не знаем никакого директора, мистер. Прощайте. И секретарь без всякой церемонии разъединяет свой аппарат.

Нет, если на то пошло, Ундерлип будет говорить с самим диктатором Драйвом. И Ундерлип подходит к фоторадио-фону в третий раз.

– Соедините с генералом Драйвом, – бросает он в приемник.

Кепка с красной звездочкой подскакивает и восклицает: «Ага! Ага!» И переспрашивает:

– Вы хотите соединения с генералом Драйвом?

– Да, да. Я говорю ясно: с генералом Драйвом.

– Погодите одну минуту, мистер, сейчас.

Кепка уходит. Ундерлип торжествует. То-то! Совет, а генерал Драйв все-таки существует.

– Алло, мистер! Вы хотите генерала Драйва?

Вместо кепки на экране котелок. У котелка тоже красная звездочка.

– Ну да. Генерала Драйва.

– А вы знаете его адрес?

– Как же. Риверсайд, 42.

Лицо у кепки выражает полное разочарование.

– Этот адрес мы сами знаем. Генерал Драйв оттуда скрылся.

Генерал Драйв скрылся! Генерала Драйва разыскивают! Может быть, его разыскивает этот самый Совет?

Ундерлип бегаёт по кабинету. Взад-вперед, взад-вперед. Ундерлип совсем сбит с толку. Бежал диктатор, генерал Джордж Драйв.

И вдруг он останавливается, вслушивается. Внимание! Крайнее внимание! Орудия прекратили свой рев. Пулеметы умолкли. Винтовки... Нет, винтовки ещё потрескивают. Поодиночке: там, тут и вот ещё там. Ясно. Бой прекратился.

Необходимо ориентироваться. Ундерлип подходит к окну. Красные флаги. На всех домах. И над подъездом его собственного дома. Особняк миллиардера Ундерлипа – с красным флагом.

Ундерлип хлопает себя по лбу. Старый дурак! Свет! Электричество! Газ! Обрадовался! Это сделал не генерал Драйв, а Совет. Везде Совет. Даже над подъездом его собственного дома поработал Совет.

Сейчас он ворвется в дом Ундерлипа. Сию минуту! Цен-

ности! Касса! Доллары! Доллары! Скорее, старый идиот, скорее... Конфискация, национализация. Пойдут теперь русские штучки. Скорее, скорее!..

Ундерлип набивает саквояж долларами, акциями, потом выбрасывает акции на пол и сует в саквояж золото. К черту бумаги! Что они теперь стоят? Потом, подумав немного, Ундерлип поднимает брошенные акции. Не век же будут красные. Не может этого быть. Он прячет акции в саквояж, захлопывает его.

Пальто. Цилиндр. Нет, цилиндр не годится. Надо достать кепку.

– Дик! Дик!

– Я здесь, мистер.

– Дик! Дик! – продолжает кричать Ундерлип, глядя на Дика и не видя его.

– Я здесь. Вот я.

– Ага! Дик, у вас есть кепки? Дайте мне скорее кепку.

– Есть, мистер, но она засалена и стара.

– Тем лучше, тем лучше. Дайте ее скорее сюда. Ундерлип нахлобучивает старую кепку своего слуги до самых бровей, поднимает воротник пальто и идет к черной лестнице. Но дверь заперта.

– Дик! Дик!

– Есть, сэр.

– Откройте мне дверь.

– Вы хотите выйти на улицу?

– Ну да.

Он хочет выйти на улицу. Так себе, прогуляться. Тут нет ничего особенного. Полторы недели взаперти – это не шутка. Надо сделать моцион на свежем воздухе.

Дик качает головой. Почему мистер боится Дика? Ведь Дик служит у мистера целую вечность. Мистер хочет уехать?

– Может быть, может быть, Дик... Может быть, я уеду куда-нибудь. Например, в Южные Штаты. Там еще добрые старые нравы, Дик.

– Мистер не знает разве, что и Южные Штаты, и Северные Штаты, и все штаты в руках красных? Каким образом мистер уедет?

– По железной дороге. Дик. На юге меня никто не знает. Я там пережду, пока им придет капут. Отпирайте, Дик.

– Нет, по железной дороге не уехать. Все вокзалы заняты этой бандой. У них есть своя тайная агентура, и она рыщет, ищет, вынюхивает. Они на вокзалах, на станциях, на фоторадиостанции.

– Да, да. И на фоторадиостанции. Этот котелок, спрашивавший, не знает ли он адреса генерала Драйва... Значит... Тысяча чертей, значит! Выхода нет.

Ундерлип опускает голову и идет назад, в свой кабинет. Придут! Конфискуют! Национализируют! Король хлеба будет не богаче Дика. Нет, нет, нет! Этого саквояжа он не отдаст. Ни за что!

Прижимает саквояж к своему животу:

– Ни за что!

Однако истерику в сторону. Саквояж легче уцелеет без истерики. Ухо остро. Максимум сметки, минимум нервов, и тогда увидим, кто кого пересобачит. Мы еще увидим.

Ундерлип опускается вниз, в каморку Дика. Ему очень нравится каморка его слуги. Он не имел бы ничего против того, чтобы поселиться у Дика. На время, имейте в виду, на время! И если сюда придут, он не будет в претензии, если Дик будет обращаться с ним по-свойски. Можно даже на «ты». Насчет имени? Пусть Дик называет его... Ну, как? Ну, скажем, Сэмом, своим приятелем.

У Дика готов свой план. Мистер соизволит побыть в его комнате до темноты. Вечером мистер наденет вот это пальто и кепку. На всякий случай пусть мистер нацепит красную тряпку за лацкан. Все ихние надели красные значки и бантики.

У Дика в Бруклине живет сестра, чистильщица сапог, с позволения сэра. И если сэр позволит, то Дик вечером проводит его к своей сестре, чистильщице сапог, извините. У нее мистер может жить до тех пор, пока ему будет угодно.

Мистер благосклонно позволяет. Чистильщица сапог – это весьма и очень. Никому не придет в голову. Ни национализация, ни конфискация.

Король хлеба сидит до темноты у Дика. А потом король хлеба, в потертой засаленной кепке, в рыженьком узком пальтишке Дика отправляется в Бруклин к чистильщице са-

пог. Король хлеба, миллиардер!

XII

Во-первых, сестра Дика носит поэтическое имя – Энжелика, хотя она похожа на печеное яблоко. Во-вторых, она сдает комнаты жильцам. И, в-третьих, у нее жил один Сэм, сухой, как вобла, а теперь живут два Сэма, причем новый Сэм напоминает бочку. Вследствие этого последнего обстоятельства миссис Энжелика называет своего старого жильца Сэмом маленьким, а нового Сэмом большим.

Сэм большой больше пыхтит или барабанит по окну, чем говорит.

Маленький Сэм много кашляет и говорлив. Сэм большой любит одиночество, а Сэм маленький ни минуточки не может оставаться один и шныряет по соседям или бегаёт по собраниям. Благодаря своей общительности Сэм маленький немедленно наведёлся к Сэму большому, как только тот поселился у Энжелики. Это немислимое, совершенно фантастическое знакомство миллиардера с безработным произошло следующим образом.

Настоящий Сэм, Сэм маленький – впархивает без предудительного стука в комнату Сэма большого, между нами говоря – Ундерлипа.

– С новосельем, мистер Сэм... Вас зовут Сэм, правда? Стало быть, мы тезки, приятель. – Сэм маленький протягивает руку Сэму большому.

Но Сэм большой ворчит:

– Не имею чести знать. И потом, мистер, отчего вы не постучались?

Сэм маленький пялит глаза на Сэма большого:

– А зачем стучаться? Разве вы делали фальшивые деньги?

Или прохлаждались с милкой?

– Ничего подобного, мистер, но... Сэм маленький добродушно смеется:

– Ха-ха! В другой раз я буду стучаться, если вам угодно.

Вы, должно быть, безработный?

– М-м! В некотором роде.

– У меня безошибочные глаза, – хвастает Сэм маленький. – Вы были лакеем в богатом доме. Верно ведь? А?

– Гм-м. Да. В богатом доме...

– И вас рассчитали?

– Д-да. Рассчитали.

Сэм маленький хлопает по плечу Сэма большого – хлебного короля!

– Ничего, дружище, не тужите. Теперь наша взяла верх.

Сэм большой морщится и отстраняет от себя руку Сэма маленького.

– Я не люблю, когда меня хлопают по плечу. И вообще... м-м-м. Не мешайте мне, мистер. Я занят.

– Он занят, ха-ха! Чем вы заняты, если вы без работы? Мух считаете? Что вы за ворчун такой, тетка? Первое время, когда я лишился работы, я тоже был зол, как цепная собака.

Потом привык, обтерпелся. Право, мистер, плевать на кровать.

– Почему на кровать? Разве у нас не принято плевать в плевательницу?

– Вот чудак! – изумлен Сэм маленький. – Он принял это всерьез. Это же такая поговорка. С луны вы свалились, что ли? Ну, я пошел. Я к вам загляну еще, дружище.

Сэм маленький на бегу натывается на миссис Энжелику и, стоя одной ногой в сенях, другой – за дверью, торопливо характеризует Сэма большого:

– Ворчун. Был холуем у богачей и задирает нос. Но в общем душа человек. Погодите, миссис Энжелика, я его отполирую... Бегу на митинг.

Сэм большой тоже излагает миссис Энжелике свои впечатления о Сэме маленьком, своим тезке:

– Нахал! Лезет в панибратство. Прошу избавить меня от этого... от этой ветряной мельницы.

Вечером Сэм маленький стучится в двери Сэма большого, но, не дожидаясь ответа, входит в комнату.

– Ну вот я и постучался. – Сэм говорит и внимательно, очень внимательно смотрит в лицо тезки, комкая в руках газету. – Скажите, какое сходство! – восклицает он.

– Сходство? – Сэм большой чувствует холодок, продирающий его кожу, и вследствие этого говорит медовым голосом:

– Знаете, дорогой тезка, я весь день скучал и очень рад, что вы пришли. Кстати, о каком сходстве вы упомянули?

Сэм маленький разворачивает вечерний выпуск газеты. На внутренней странице газеты огромный заголовок:

«Вот кто правил Соединенными Штатами».

Под этим заголовком четыре портрета: Лориссона, Бранда, Дэвис и Ундерлипа.

Сэм большой, нисколько не теряясь, находит, что этот – как его... Ундерлип чертовски похож на него. Капля в каплю. Прямо двойники. Неловкое положение однако быть двойником миллиардера, пившего кровь рабочих.

А все же Сэм большой находит утешение: разве Сэм маленький не видит, что это сходство нарушается тем, что Ундерлип, судя по портрету, был худощавее Сэма большого.

Сэм маленький вполне с этим согласен. Ундерлип выглядит чуточку худощавее.

– Но, во всяком случае, ваше сходство сущее несчастье, – добавляет Сэм маленький, – потому что всех этих господ разыскивают для предания суду. Пока разберутся, вы можете попасть в плохую историю, тезка.

Разыскивают? Будут судить? Конечно! Сэм большой всем сердцем, всей душой и всем... Чем еще? Словом, он вполне разделяет это решение рабочего правительства судить миллиардеров, которые пили рабочую кровь. Да. Но конкретное обвинение?

– Конкретное обвинение? Через полчаса откроется митинг, на котором Джек Райт расскажет, в чем провинились эти молодчики, – щелкает ногтем по портрету Ундерлипа

Сэм маленький. – В двух шагах отсюда, мистер. Если хотите послушать, идемте со мною, вас пропустят.

– К-хе! К-хе! У меня, кажется, начинается грипп. Вечерний воздух, знаете... – Но неожиданно Сэм большой меняет свое решение. Чтобы быть в курсе дела, надо посмотреть опасности в глаза. Смелость, смелость!

Больше смелости – меньше риска.

Итак, Сэм большой пойдет на митинг. Но он завернет шею и рот в шарф. Грипп, знаете, вечерний воздух, знаете... Кстати, этот Райт... знакомое имя.

– Удивительный вы человек, тезка! Джека Райта знает вся Америка. Вождь. Член рабочего...

– ...правительства, – торопливо подхватывает Сэм большой. – Конечно, знаю. Я думал, другой Райт. Так это настоящий?

– Ну да. Настоящий. Тот самый.

– При гриппе опасно дышать холодным воздухом. Шарф достаточно широк. Завернемся так до подбородка. И еще вот так, до носа. И еще вот эдак – завернем нос.

Из-под шарфа слышно: «Бу-бу-бу».

Что это значит? Сэм маленький не знает, но его смешит вид Сэма большого и его бу-бу-бу.

– Ха-ха! Чудак вы этакий. Ну, пойдём.

Ундерлип, завернутый до глаз в шарф, смотрит на Джека Райта, стоящего на трибуне. Джек Райт говорит об Ундерлипе, который сидит в зале и слушает Райта. Раскопа-

ли-таки все до подноготной, бестии! Про Кингстон-Литтля? Откуда они знают, что Кингстон-Литтль получал деньги от союза трестов на вооружение патриотов? Что? Что? Кингстон-Литтль арестован и дал письменное показание? Ах, собака! Что это за агент полиции Пик? Ундерлип никогда не слыхал этой фамилии. Кингстон-Литтль организовал при помощи агента Пика покушение на Джека Райта? Да, да. Ундерлип припоминает, что Кингстон-Литтль действительно говорил ему, что необходимы деньги на кое-какое предприятие, связанное с выборной кампанией и с устранением красных от выборов. Была, кажется, какая-то бомба. Вот! Вот! Джек Райт рассказывает и о бомбе.

Сэм маленький толкает в этом месте речи локтем в бок Сэма большого:

– Это он рассказывает про меня. Ведь бомбу-то бросил я, а дал мне ее Кингстон-Литтль. Я был в то время патриотом.

– Бу-бу-бу, – бубнит из-под шарфа Ундерлип. Редиард Гордон? Ай-ай-ай! Вечная память. Расстрелян, бедняга. Схвачен с оружием и был на месте расстрелян. Ну, ну, что вы знаете еще про Редиарда Гордона?

Джек Райт знает про Редиарда Гордона, что он был наемником хлебного короля, владевшего всей печатью Америки. Что же из этого следует? Разве это преступление – владеть таким солидным делом, как печать? Попробуйте-ка построить обвинение, Джек Райт...

И Джек Райт строит обвинение. Он обвиняет короля, си-

дяде тут же, что он сеял клевету и ложь при помощи подкупленных газет. Еще что? Король хлеба провоцировал в газете избиение рабочих Ку-Клукс-Кланом, высылки, аресты и даже казни.

Два Ундерлипа. Один кричит: так было, но так должно было быть, ибо то, что Райту кажется преступлением, миллиардеру казалось его правом и жизненной целью. Другой Ундерлип возражает: «Верно, были штучки!» И оба Ундерлипа вместе корчатся от каждого слова Джека Райта, как от ударов раскаленным металлическим прутом.

– Они подкупили сенат и палату и вызвали войну с целью наживы, – сечет накаленным прутом Джек Райт.

«Попробовал бы ты побыть в нашей шкуре и вести дело без войны», – возражает один Ундерлип.

«Действительно, был подкуп сенаторов, депутатов и членов правительства», – сознается другой Ундерлип.

А оба Ундерлипа вместе кутаются до глаз в шарф и, выбивая дробь зубами, бубнят:

– Бу-бу-бу!

Весь зал, как один человек, стучит ногами и палками о пол и требует:

– Смерть Ундерлипу, смерть Лориссону!

– Смерть Бранду! Смерть Дэвис!

– На электрический стул золотых пауков! – кричит над самым ухом Сэм маленький.

И когда они оба выходят с митинга, Сэм маленький, рас-

паленный разоблачениями Джека Райта, вытаскивает револьвер, стреляет вверх и кричит:

– Вот так я выстрелю в ухо Ундерлипу, если он попадетсЯ в мои лапы.

Эти портреты, эти разоблачения. Предательство Литтля. Надо наострить лыжи, пока не поздно. Надо бежать. На юг? Нет. На запад? Нет, нет. Куда? Куда же? В Америке нет места Ундерлипу.

У себя в комнате Ундерлип застаёт Дика. У Дика глаза на лбу и лицо мертвеца.

– Мистер, у нас был обыск. Много вооруженных людей. Забрали все бумаги. Искали вас. Меня допрашивали.

– Что же вы сказали? Что?

– Я сказал, что мистер уехал неделю тому назад в Виргинию.

В Виргинию? Правильно. Пока они будут искать Ундерлипа в Виргинии, он бросится в противоположную сторону.

– Дик, больше не возвращайтесь домой. Могут проследить меня.

– Слушаюсь, мистер.

– Идите сейчас и сыщите капитана моей яхты, Барраса. Найдите его и приведите ко мне. Скорее, Дик!

– Будет сделано, мистер.

Дик уходит искать капитана яхты, а Ундерлип мечется по комнате, и все время в нем кричат два Ундерлипа. И оба Ундерлипа, взятые вместе, бьются в тоскливом смертном стра-

xe.

XIII

Капитан Баррас крутит обеими руками свои усы цвета соломы и делает из них две острые золотые спирали. Окончив это занятие, которое он проделывает перед дверьми комнаты, он стучится в дверь.

– Войдите.

Король, все еще в шарфе до самых глаз, лежит на кровати. Он встает, раскутывает шарф. Поздороваться с Баррасом за руку? Конечно. Хлебный король снисходит и щекочет самолюбие капитана Барраса рукопожатием.

– Ну-с, Баррас. Нравятся ли вам эти дела? – снисходит король хлеба.

Капитан Баррас поминает черта и его бабушку. Потом спохватывается. Ведь он в высшем обществе. Мистер извинит моряка за некоторую неразборчивость выражений. Морская привычка, знаете.

Мистер извиняет. Больше того, мистер даже согласен, что черт и его бабушка более чем уместны. Решив, что тема предварительной беседы исчерпана, Ундерлип приступает к существу дела:

– В каком положении яхта, мистер Баррас? Конфискация, национализация, ха-ха! Ее еще не...

– Яхта в отличном порядке, – перебивает Баррас. – Им сейчас не до яхты. Они делают какие-то приготовления на

военных судах. Поверьте, мистер, моему опытному глазу: эскадра готовится к боевой экспедиции.

– Достаточно ли на яхте топлива?

– На месяц хватит.

Еще один обходной маневр – и можно будет хватать быка за рога.

– Вы хотите, капитан Баррас, заработать пятьдесят тысяч долларов? Пятьдесят тысяч! – значительно подчеркивает Ундерлип.

– Пять-де-сят ты-сяч! – пучит глаза Баррас.

– Я сказал: пятьдесят тысяч.

– Кто же мне даст такие деньги?

Разумеется, для мистера пятьдесят тысяч все равно, что плюнуть, вот так – тьфу! Но капитан Баррас положительно не догадывается, чем бы он мог заслужить такое состояние.

Бык подставил свои рога. Ундерлип решительно хватает их руками.

– Сегодня ночью, капитан Баррас, я должен выехать в море. Сегодня же!

Капитан Баррас разводит руками и поминает чьих-то родителей. Ах, извините, мистер, это морская привычка... Но яхта не может выйти в море: из гавани не выпускают ни одного судна. Эти черти рыщут на сторожевых шлюпках и регистрируют суда.

– Регистрируют? Начинается. В России они тоже начали с регистрации. Во-вторых, Баррас? Ну, а если я скажу: сто

тысяч долларов, Баррас? Сто тысяч! Половину денег сейчас. Ну, что вы скажете, Баррас?

Капитан Баррас снова приводит в порядок свои усы. Окончил. Встряхнул плечами. Ударил ладонью по столу.

– Кладите деньги, мистер.

Ундерлип отсчитывает пятьдесят новеньких бумажек по тысяче долларов. Капитан Баррас потирает ладонь о ладонь, глядит блестящими глазами на деньги и испускает звук, напоминающий ржание жеребенка.

Деньги в бумажнике Барраса. Мистер может положитьсья. Будет сделано чисто. Поворот по-военному – раз-два. До свидания.

Океан дышит туманом. Это очень хорошо. Уже в полдень зажигаются на улице электрические фонари. Ну, гуще, гуще!

Хлебный король без роздыха ходит по комнате: взад-вперед, взад-вперед. Поменьше нервов, побольше выдержки. Но нервы не слушаются. Он стучит зубами.

Океан все подбавляет и подбавляет тумана. Тускло пятнятся фонари на набережной. У ног где-то внизу плещет волна. Ундерлип спускается по гранитным ступеням.

Дик ведет его дальше в туман, по оголенному от камня песчаному берегу. Город остался позади и пропал в молочной мути. Ундерлип недоумевает. Гавань справа, а Дик ведет его налево. Мистер знает, что капитан Баррас – человек с мозгами. Он перевел яхту в сторону от гавани на мелкое

место, под предлогом ремонта трюма судна.

Ундерлип ничего не видит. Был туман и есть туман.

Где же яхта?

– Да вот она, мистер. Осторожнее, оступитесь.

Дик берет его под руку. Ведет по невидимому трапу на невидимую яхту. Только ступив на палубу, Ундерлип видит тусклый огонек, освещающий спуск в каюту, и слышит голос Барраса.

– Мистер. Идите в каюту, ложитесь на койку и, не зажигая света, постарайтесь заснуть. Все сделается как надо.

Легко сказать «постарайтесь заснуть». Пот? Кажется, это называется цыганским потом. Цыганский или не цыганский, но при телосложении короля хлеба недолго и до удара. Но выдержка, мистер, максимум выдержки, минимум нервов! Койка опускается изголовьем и поднимается в ногах. Заглушенно шипит пар. Яхта дрогнула. Тронулась, пошла тихим ходом.

Почувствовав в каюте толчки морской качки, Ундерлип соображает, что яхта вышла в открытый океан, и поднимается на капитанский мостик. Он стоит рядом с капитаном Баррасом, и ему кажется, что у яхты слишком тихий ход.

Если перед носом лошади повесить клок сена, она будет прибавлять ход в погоне за убегающим сеном. Х-ха! Теория Кингстон-Литтля, который был бы, в сущности, хорошим малым, если бы не оказался предателем. И если эту теорию попытаться применить сейчас...

– Капитан Баррас. Эта яхта будет ваша, если мы в четырехдневный срок доберемся до Англии.

– Значит, мы отправляемся в Англию, мистер? Ведь я не знал до сих пор маршрута. Я гнал яхту в открытый океан, по указанию вашего слуги, который тоже не знает маршрута.

– Итак, Баррас, еще пятьдесят тысяч и яхта.

– Полный ход! – командует весело Баррас.

– Максимальный ход! – суфлирует ему на ухо Ундерлип.

– Наибольший ход! – послушно кричит в рупор капитан Баррас.

Позади яхты туман снизу засеивается огнями. Ровные огоньки внизу в два и три яруса. Огни наверху на небе. Белая расширяющаяся дорожка, ломаясь в тумане, бегает взад, вперед, в сторону, встречается с другой светлой дорожкой, перекрещивается с нею, отскакивает от нее и убегает в сторону.

Три, четыре, пять таких дорожек чертят по туману светлые зигзаги и выдергивают из него зеленоватые холмы воды с пенным кружевом на верхушках.

– Откуда это? Что это?

– Эскадра, а наверху воздушный флот, – отвечает Баррас. – Как бы не напороться. Черт их несет.

XIV

Черт и его бабушка играют роль хороших шпор для мыслительных способностей капитана Барраса. Упомянув о них и еще о целом поколении чертей по восходящей и нисходящей линиям, капитан Баррас ощущает значительное прояснение мыслей.

Эскадра и воздушный флот идут позади, а яхта впереди. Эскадра, несомненно, нагонит яхту, и тогда – дело табак. Но зато совершенно невероятное дело, чтобы яхта сумела нагнать эскадру. Итак, яхта должна, быть позади, а эскадра впереди.

Этот стратегический план капитан Баррас излагает Ундерлипу, и тот вполне признает, что яхта должна быть позади. Но хлебный король находит, что нет ничего общего между яхтой и блохой, ибо яхта не умеет прыгать.

Блоха? Какое отношение имеет блоха к стратегическому плану капитана Барраса? Мистеру угодно шутить, а капитану Баррасу не до шуток. Блоха блохой, но яхта должна быть позади.

– Но позвольте, капитан! Ведь мы же не можем перескочить через эскадру. Значит, надо развить наибольшую скорость и убежать от эскадры.

Первое: наибольшую развить нельзя, потому что она и так наибольшая. Раз манометр показывает максимум давления,

значит, еще один нажим – и котлы взорвутся. Второе: яхта должна очутиться в тылу флота и никаких чертей!

Пока капитан Баррас развивает свои стратегические планы, эскадра глотает расстояние, отделяющее ее от яхты. Туман наливается шумом винтов, фырканием моторов и жужжанием пропеллеров. В двух десятках саженей от яхты, наверху, несется ярко освещенный гигантский корабль. Его лодка с тремя кабинами режет туман белыми спицами лучей, отбрасываемых электрическими рефлекторами с бортов, килевой части и кормы. На дирижабле гремит военная музыка, расплываясь и заглушаясь в тумане.

После нового комплимента черту и его близким родственникам в голове у капитана Барраса происходит полное прояснение. Все гениальное – просто. Яхта не может проскочить через фронт эскадры. Яхта не может идти быстрее военного судна. Ни вперед, ни назад. И не надо. Яхта скользнет вдоль развернутого фронта эскадры до ее фланга и нырнет в тыл.

Ундерлип выражает опасение, успеет ли яхта обогнуть эскадру? Не нагонит ли ее эскадра раньше, чем она домчится до фланга?

– Мы находимся не в середине линии фронта, а ближе к левому флангу, – выказывает свою математическую сметку капитан Баррас. – Расстояние между яхтой и эскадрой примерно вдвое больше, чем расстояние от яхты до левого фланга. Самое быстроходное военное судно – вдвое быстроходнее яхты. Значит, пока флот доберется до того места, где мы на-

ходимся сейчас, мы будем у крайнего левофлангового вымпела.

– Браво! Браво! – Это одобрение Ундерлипа есть тоже нечто вроде клок сена перед носом лошади. Самолюбие – это самолюбие! Ундерлип играет на самолюбии капитана.

Мистер не должен мешать капитану. Мистер должен хранить молчание. Мистер должен...

– Словом, идите в каюту – и никаких чертей! Выказав полное непочтение к Ундерлипу, капитан Баррас командует:

– Стоп! Полный ход вперед! Максимальный ход!

Еще! Поддайте еще! Что? Манометр показывает? Плюньте на манометр. Пусть себе показывает. К черту и его бабушке!

Котлы гудят от напора. Стрелка манометра показывает наивысшее давление. Винт бешено гудит. Вокруг судна клокочет. Яхта скользит вдоль вытянувшихся ровной ниточкой огней эскадры, как стрела. Линии эскадры ближе. Луч прожектора подбирается к яхте. Сейчас он вырвет ее из темноты и покажет ее наблюдающим дозорным судам. Несколько сажен осталось добежать лучу. Яхта взбирается на гребень огромной водяной горы и скользит вниз, по спуску этой горы, в водяную складку между двух валов. И луч прожектора, сломавшись на складках волн, укорачивается и не добегает до яхты, разбившись на тысячи огненных спиралей. Над яхтой реет целый рой летательных машин, невидимых в тумане, но наполняющих воздух сплошным гулом моторов и

пропеллеров. С правого борта яхты ясно и четко видны уже округленные бусинки огней и черные надвигающиеся на нее стеною горы броненосцев. Вот-вот эта стена обрушится на маленькую яхту. Она уже обдает ее своим шумным дыханием, уже кутает ее в пелену дыма, идущего из десятков труб. Почти у самого борта крайнего левофлангового судна яхта делает поворот под прямым углом; она около часу бежит по прямой линии, пока не тонут в тумане последние огни эскадры и не гложут последние ее вздохи. Тогда капитан Баррас приказывает тихий ход, поворачивает опять под прямым углом, и яхта бежит в тылу эскадры.

Капитан Баррас зовет помощника и ставит его на свое место. Спускаясь с капитанского мостика, он закручивает свои золотые усики и, вполне довольный собой, произносит:

– То-то, семь чертей и бабушка!

Кажется, он обошелся несколько неучтиво с мистером? Мистер извинит? Морская привычка, знаете.

Ундерлип несколько не обижен. Он ценит морские познания. Благодарное рукопожатие. Признательное выражение глаз.

Ундерлип верит в свою звезду. Чувство блаженства, наполняющее его душу вследствие того, что его шкура уцелела, приводит его в прекрасное настроение. Все вернется. Все вернется. Звезда Ундерлипа это не какая-нибудь жалкая коптилка, а звезда. Бодрый оптимизм окрыляет Ундерлипа. Он был королем. Он есть король.

Он будет королем и умрет им. Дри-дри-дри-дри. Дри-дри-дри.

На четвертые сутки, утром, Ундерлип проснулся в каюте от ощущения чего-то нового, чего прежде не было. Спустив ноги с койки, он некоторое время старался припомнить, что произошло нового. Ничего. Да нет же, что-то новое в плеске волн о борта яхты, в дыхании машины, в ударах винта. Какой-то новый звук, похожий на то, как будто выколачивают ковры. Глухие мерные удары. Выстрелы, что ли? Да, верно, выстрелы. Орудийная пальба...

И, быстро одевшись, Ундерлип вышел на палубу. Правильно. Канонада. Бьют большие морские орудия.

Впереди, над вздувшейся, как гора, зеленой грудью океана, на тонкой, розовеющей ниточке горизонта, всходил огромный красный шар солнца. И на медном диске солнца курчавились дымки. Они таяли, опять всплывали и опять таяли, – клубистые дымки с шапками завитков наверху, точно грибы из огня и дыма.

Ундерлип взбирается на капитанский мостик. Смотрит в морской бинокль. Долго и внимательно. Темные продольные полосы с хвостами дыма суеются на горизонте и выбрасывают пламенные комочки, выплевывают огненные струйки.

– Слава богу. Война началась. Она вернет Америке закон, правительство и порядок.

– Вернет, мистер. Дай бог!

– Дай бог!

– Только я думаю вот что: нам надо переждать. Соваться в эту кашу...

– ...неблагоразумно, – подхватывает Ундерлип.

Мистер поставил условием четыре дня. Сегодня четвертые сутки. Если бы не бой, который, дай бог, вернет Америке правительство, закон и так далее, капитан взял бы финиш. Но ведь этот бой не входит в расчет?

Ундерлип считает приз за капитаном. То, что помешало ему выполнить условие, есть форс-мажор. Что такое форс-мажор? Это стихия, случай, капитан. В данном случае форс-мажор играет на руку Ундерлипу, и он ничего не имеет против...

Раз форс-мажор не меняет условий, капитан Баррас ничего не имеет против форс-мажора. Он с легким сердцем кричит в рупор:

– Стоп! Тихий ход!

– Минимальный ход, – повторяет Ундерлип.

К вечеру канонада затихает. Дымки перестают всплывать на горизонте. Вместо дымовых грибков по горизонту тянутся черные длинные хвосты дыма, идущие из труб судов.

Эти хвосты становятся длиннее. Черные продольные полосы на горизонте вырастают в сигаровидные силуэты. Капитан Баррас долго не отрывается от бинокля. Потом восклицает:

– Вот те на! Семь чертей с бабушкой!

– В чем дело, капитан?

– Дело дрянь, мистер. Красные вымпела. Отчего они красные, если они английские?

– Красные? Быть не может!

Ундерлип глядит в бинокль и убеждается в том, что вымпела действительно красные.

А тем временем капитан, определив их число, забывает про родню черта и растерянно произносит:

– Их, этих красных вымпелов, пятьдесят с чем-то. А в нашей эскадре их было тридцать. Откуда еще двадцать? Неужели и английские?

И, не дожидаясь ответа Ундерлипа, капитан Баррас вторично прибегает к «штучке».

– Налево! Полный ход!

– Максимальный! – суфлирует Ундерлип.

– Наибольший! – покорно повторяет капитан.

Яхта мчится на всех парах вдоль фронта двух соединенных эскадр с красными вымпелами – английской и американской.

XV

Яхта Ундерлипа скользит вдоль приближающейся линии эскадры. Но на этот раз фронт вдвое длиннее, и капитан Баррас в отчаянии машет рукой:

– Ничего не выйдет, мистер. Теперь нам из ловушки не выйти.

Ундерлип клокочет. Как? Переплыть океан, уйти от красных для того, чтобы попасть в пасть красным?! Невозможного для Ундерлипа не существует. Сколько будет стоить? Сколько? Полмиллиона? Ундерлип платит полмиллиона долларов за свою жизнь! И за полмиллиона невозможно? Ни за какие деньги невозможно? Этого не может быть. За деньги все можно.

Ундерлип в полном недоумении. Он не может себе представить, что деньги не всегда имеют силу. Он знает, что они всегда – сила. Король хлеба выглядит мокрой курицей.

И все же звезда Ундерлипа горит. Совершенная случайность. В самую последнюю минуту, когда флот находится в какой-нибудь полумиле расстояния от яхты, к небу взлетает яркая ракета. Это, по-видимому, сигнал. Фронт эскадры разрывается на две части. Обе половины перестраиваются треугольниками. Основания треугольников друг к другу. Вершины врозь. Обе эскадры начинают удаляться друг от друга: одна на север, а другая на юг. Между удаляющимися эс-

кадрами образуются ворота. Они становятся шире и шире, и яхта старается проскочить через эти ворота.

– Максимальнейший ход! – диктует капитану Баррасу Ундерлип.

– Надо пролететь! – кричит он.

– Наоборот, надо проползти, – противоречит капитан Баррас.

– Но почему?

– Потому...

– Яхта пока еще принадлежит мне? – кричит Ундерлип. – Я требую точного ответа: почему?

Капитан Баррас вторично забывает об уважении к королю, кричит что-то нелестное о его родителях и делает свое дело. Яхта ползет, как черепаха, и куда она ползет, обе эскадры пропадают из вида.

Ундерлип чувствует себя виноватым. Да, Баррас был прав. При первой встрече с эскадрой надо было выиграть время. Теперь надо было выиграть пространство. Пока яхта ползла, ворота ширились, эскадры отходили друг от друга.

– Простите, капитан, я погорячился.

– Простите, мистер, я тоже погорячился.

– Вы отличный стратег, капитан Баррас.

– О, да, я... Вы что-то упомянули о полумиллионе долларов, мистер.

– Ха-ха! Это было в горячке, капитан. Полмиллиона. Знаете ли вы, что это за сумма?

Капитан Баррас зеленеет и выпаливает:

– Когда я обидел ваших родителей, мистер, то это не было в горячке! Вот! И больше ничего!

И это он говорит Ундерлипу! Королю! И поворачивается к нему спиной. К королю! И золотой король молчит. Глокает пилюлю и молчит. Потому что в этом положении он, по правде сказать, номинальный король. Он в руках капитана Барраса.

Ундерлип находит утешение в созерцании природы. Полная луна висит над краем моря и разбрасывает по воде тысячи серебряных кружочков. Огненная россыпь звезд. Небо ясно. Ундерлип ничего не имеет против того, что туман растаял. Он опять уверен в своей звезде. Она горит и будет гореть.

Что это за столбик выскочил из воды в нескольких саженьях от яхты? Выскочил и растет. Поднимается над водой. Вода вокруг столбика светлеет. Белое овальное пятно света.

– Перископ подводной лодки, семь чертей! – восклицает капитан Баррас.

Он забыл, что только что оказал величайшее непочтение к Ундерлипу, оборачивается к нему и, как будто ничего между ними не было, произносит в тревоге:

– Опять.

Ундерлип не понимает его. Что опять?

– Опять надо удирать во все лопатки. И, не теряя времени, кричит в рупор:

– Задний ход.

Увидев перископ, Ундерлип требует:

– На всех парах, капитан Баррас. Полмиллио...

И спохватывается. Довольно легкомыслия. Крайности всегда вредны. Во всех случаях.

Из-под воды, образовав водяную воронку, выныривает покаты́й остов подводной лодки. Крышка люка откидывается. На мостике четыре человека в офицерской форме.

Они, несомненно, увидели яхту. Они смотрят на нее. Ундерлип, что слышно со звездой? Она закатывается? Что?

– Полмилл... Капитан Баррас! Что же это будет? Максимальный ход.

– Поздно, мистер. Даже за целый миллион. Не могу. Невозможно.

Один офицер складывает у рта ладони трубой и кричит:

– Чья это яхта? Наша?

– Ихняя! Кричите: ихняя! – подсказывает Ундерлип.

– Ваша! – послушно кричит в переговорную трубу капитан Баррас.

Офицеры о чем-то спорят, горячо жестикулируя.

И опять один из них, складывая руки трубой, кричит:

– У вас американский флаг. Кто вы? Красные или белые?

– Кем нам лучше быть? – справляется капитан у Ундерлипа.

– Никакие.

– Никакие! – кричит в трубу капитан.

– Куда вас несет? – долетает с лодки.

– В Англию! – отвечает капитан и, спохватившись, спрашивает Ундерлипа:

– Так я сказал?

Но Ундерлип не успевает высказать свое мнение. С лодки гремит ругательство.

– Мерзавцы! Почему вы маскируетесь? Вы красные. Мы пустим вас ко дну.

Ундерлип вырывает трубу из рук капитана Барраса и кричит самолично:

– Мы не красные! Не красные! Полмиллио... Мы просто жители. Мирные. Уверю вас, совершенно мирные.

– Тогда зачем вас черт несет в Англию? – спрашивает офицер. – В Англии – красные.

Вот так история! И в Англии!

– Мы не знали! – гремит переговорная труба. – Уверю вас. Если джентльмены не имеют худых намерений, то я объясню.

Офицеры опять жарко спорят, размахивая руками.

Потом трое берут под козырек, а четвертый отвечает им. Один из офицеров спускается в люк. Лодка приближается к яхте, стучается об ее борт.

Ундерлипу кажется, что подводная лодка буравит яхту. Вот-вот яхта начнет тонуть. Он забывает всякую осторожность.

– Джентльмены. Ради бога. Я, Ундерлип, глава треста

«Гудбай», обещаю... Могу моментально выдать чек. На какой угодно банк. Полмиллиона долларов. Миллион. Офицеры переглядываются и смеются.

– Не смейтесь, джентльмены. Уверяю вас. Ундерлип не бросает своих слов на ветер. Чек на предъявителя. Честный чек.

– Мистер, – говорит, смеясь и сильно картавя, один из офицеров, похожий на кильку. – Я слышал о вас. Успокойтесь. Нам не надо ваших чеков.

– Что же надо, джентльмены? Что? Авария? Лодка повреждена? Джентльмены просят взять их на борт яхты? Только всего? Уф-ф! Пожалуйста... В высшей степени пожалуйста.

– Его вы-со-че-ство! Не может быть! Сам его высочество. Ах!

Ундерлип расшибается в лепешку перед его высочеством... Он счастлив принять на борт своей скромной яхты, счастлив лицезреть, счастлив вообще, в частности и во всех отношениях. Его вы-со-че-ство!

В его речи к высочеству улетучиваются все слова и остаются одни восклицательные знаки.

Совершенно верно. Его высочество. Все лицо ушло во внушительный нос. Лба совсем нет. Волосы растут над самыми глазами. Верхняя губа высокомерно выпячена. Грудь тоже выпячена. Тонкие птичьи ноги в рейтузах. Его высочество!

Его высочество изволит смотреть на Ундерлипа августей-

шими глазами, двумя пустыми бусинками. И изволит говорить...

Царь небесный! Флот восстал. И армия. Американский флот содействовал. Американская воздушная эскадрилья помогала. В Лондоне – Совет. Ай-яй-яй!

Сообщив эти новости извергающему восклицания Ундерлипу, его высочество высыпает на ноготь из золотой табакерки горку белого порошка и втягивает весь порошок дочиста в свой августейший нос. Его высочество изволит нюхать кокаин.

Адъютант его высочества – лорд Рой. Настоящее веретено.

Наверху узок, посередине широк, ниже живота опять узок. Веретено, говорящее дамским голосом.

– Сэр Ундерлип, яхта направится на запад. Его высочество поправляет:

– Яхта держит рейс на запад.

Взмах руки адъютанта лорда Роя к козырьку фуражки:

– Виноват. Держит рейс... Ваше высочество изволили выразиться вполне правильно.

На запад? В Америку? Но в Америке та же комедия, Советы. Национализация. Социализация. «Восстань, проклятьем заклеянный»... Нет, нет!

Его высочество задумывается на минуту. Поднимает руку. Чертит в воздухе ломаную линию. Лорд Рой следит за движением августейшего пальца. Ундерлип с напряженным

вниманием следит...

– Гибралтар-Суэц-Австралия, – не произносит, а вещает его высочество.

– Гибралтар-Суэц-Австралия, – вторят вместе лорд Рой и офицеры.

Ундерлип ничего не понимает в этой кабалистике, но одобрительно кивает головой.

– Распорядитесь, – обращается к Ундерлипу лорд Рой. Ундерлип устремляется вперед. О чем распорядиться?

– Рейс яхты, – поясняет лорд Рой.

– Ага! Яхта направляется через Гибралтар и Суэц в Австралию. Идея! Австралия – это на краю света. Советы туда не доберутся. Но Гибралтар? Что, если и над Гибралтаром красный флаг?

Поднявшись на мостик к капитану Баррасу, Ундерлип говорит:

– Гибралтар-Суэц-Австралия.

Капитан Баррас пожимает плечами и отворачивается.

– Вы поняли? – спрашивает Ундерлип.

– Понять-то я понял, но яхта дальше не пойдет.

– Как? Что значит не пойдет?

– Я исполнил договор, мистер. Платите остальные деньги.

Яхта моя, я причаливаю к берегу.

– Позвольте, капитан, яхта пока принадлежит вам только юридически. Ундерлип проводит в воздухе подчеркивающую ломаную линию. – Ю-ри-ди-че-ски. Но не фак-ти-че-

ски.

– Плевать я хочу на все эти крючки. Мистер Ундерлип, яхта моя.

Ундерлип прибегает к сильному средству:

– Знаете ли вы, кто находится на борту яхты? Его высочество. Сам. То есть не сам, а со свитой.

– Знаю, но яхта моя, и я хочу ехать туда, куда хочу.

– Куда же вы хотите, капитан? Может быть, по пути?

– Совсем не по пути, мистер. Я держу рейс в Бразилию. Там еще можно делать дела.

– Бразилия. О, еще лучше.

Ундерлип спускается вниз. Его высочество уже изволит почивать в каюте. Лорд Рой выслушивает Ундерлипа. Мотает остроконечной головой и чертит пальцем ломаную линию.

– Гибралтар-Суэц-Австралия. Его высочество не меняет своих решений.

И опять поднимается Ундерлип к капитану.

– Полмиллиона, капитан Баррас, в любом банке.

– Знаем мы эти штуки! – возражает капитан. – Пишите именной чек.

Ундерлип вздыхает, вытаскивает из кармана бумажник, а из бумажника чековую книжку и пишет вечным пером чек на имя капитана Барраса.

– Я желаю получить деньги в Мельбурне, – диктует капитан.

Ундерлип беспрекословно пишет чек на банк в Мельбур-

не.

Но прежде чем передать чек капитану, он ставит условие:

– Мы должны успеть проскочить через Гибралтар. Максимальный ход.

Капитан Баррас прячет чек в карман и командует:

– Полный ход.

XVI

У его высочества вышел весь кокаин. Он мечется в каюте в тоске и требует у своего адъютанта лорда Роя:

– Достаньте мне кокаин. Лорд Рой разводит руками:

– Это совершенно невозможно, ваше высочество.

– А я не могу без кокаина. Я умру без кокаина! – останавливаясь перед лордом Роем, твердит его высочество. – Вы должны достать кокаин. Кокаин!

– Ваше высочество...

– Я знаю сам, что я «ваше высочество». В этом мало утешения. Что я стану делать без кокаина? Кока-ин!

Он вцепляется в лацканы сюртука лорда Роя, трясет его и стонет.

– Кокаин! Одну понюшку кокаина!

Лорд Рой попытается. Может быть, в аптечке яхты... Хотя едва ли...

– Я не хочу знать «едва ли», – кричит его величество. – Кокаин должен быть. Одну понюшку!

Лорд Рой роется в аптечке. Кокаина на яхте нет. Из каюты его высочества доносится рев:

– Одну понюшку, скоты! Всего одну!

Ундерлип все время стоит на мостике. Он заплатил деньги. Большие деньги. Яхта должна проскочить через Гибралтар. Иначе – за что же он заплатил деньги?

– Вы получили чек, капитан Баррас. Вы обязаны.

– Мистер, у вас существует «юридически» и «фактически». У меня этого различия нет. Что сказано – то сказано.

– Но яхта идет недостаточно быстро.

– Она идет со всей возможной скоростью.

– Дайте максимальную скорость.

– Котлы перегреты. Если я дам максимальную скорость, произойдет взрыв.

Они спорят и не замечают вымпелов на горизонте. Да, два вымпела. Приближаются. Гудит сирена.

Его высочество взбегает на мостик. Он в бешенстве. Цепочка желтоватой пены сбегает с уголка его губ. Его высочество хватается капитана Барраса за шиворот и трясет его:

– Мерзавец! Разве ты не видишь военные корабли? Где твои глаза?

Капитан Баррас без всяких придворных церемоний толкает его высочество кулаком в грудь. Его высочество! Потом нагибает, как бык, голову, выставив вперед два кулака, вертит ими перед носом его высочества. Мистеру высочеству угоден бокс? Ну-ка! Капитан Баррас покажет высшую тренировку.

– Потому что я не люблю свинства, семь чертей и бабушка. Даже от высоких особ.

Его высочество сжимается. Втягивает голову в плечи. Прикрывает голову обеими руками. Юрко скользит за широкую спину Ундерлипа. И выпрямляется.

– Сэр! Приказываю вам вышвырнуть этого негодяя за борт.

Негодяй с сердцем плюет через перила мостика и становится у рулевого колеса. Нуль внимания на его высочество.

Ундерлип осторожно под руку берет его высочество и ведет его вниз. Его высочество не должен показываться на палубе днем. По морю шныряют суда. И не должен вступать в пререкания с этим грубияном. Он все может. Он не знает тонкостей.

У дверей каюты его высочество прикасается к пуговице Ундерлипа.

– Нет ли у вас кокаина, мистер?

– Кокаина?

– Одну маленькую понюшечку.

– Кокаина у меня нет, ваше...

– Вы обязаны достать кокаин.

Два военных судна проходят не более чем в ста саженях от яхты.

Лорд Рой смотрит в бинокль.

– Португальские крейсера, – говорит он. – Красные вымпелы.

– Тоже красные вымпелы. Если они красные, то, значит, и в Португалии...

– Значит, – цедит сквозь зубы лорд Рой.

Ундерлип направляет бинокль на крейсера. На борту одного он видит огромный плакат. От носовой части до кормы.

Красные буквы четко кричат о чем-то.

– Прочтите, лорд, что там написано. Я не знаю языка.

«Да здравствует Федерация Приатлантических Пролетарских Республик», читает лорд Рой.

Ундерлип подскакивает, как рыба на горячей сковородке.

– Уже!

– Должно быть, уже, – цедит лорд Рой. Американский флаг! Яхта все еще идет под американским флагом.

– Сорвать флаг! – кричит Джон Хайг.

– Поднять красный флаг, – подсказывает лорд Рой. Ундерлип раздумывает. Поднять ли красный флаг? А вдруг еще не совсем кончено.

– Лучше никакого, – решает он.

– Совершенно правильно, – соглашается лорд Рой. – Пока лучше никакого...

Сумерки. Воздух густеет. На небе зажигаются пушистые огоньки. На морщинках океана прыгает рыбачья шхуна. На ней маячит огонек костра, разложенного на носу. В красном озарении фигура рыбака.

Необходимо ориентироваться. Ундерлип настаивает на этом. Без оглядки идти рискованно. А вдруг там тоже... А?

Лорд Рой кричит в переговорную трубу: рыбаку хорошо заплатят, если он на минуту причалит к яхте. Рыбак отвечает односложным горловым звуком. Парус на шхуне поворачивается, вздувается. Огонек растет. Шхуна ударяется о борт

ЯХТЫ.

Рыбак, расставив широко ноги, стоит на палубе.

В белой пене волос, усов и бороды обугленное солнцем лицо. В белых зубах зажата глиняная трубка. Глаза две маслины. Вынув трубку изо рта, он бросает комок горловых звуков.

– Что он говорит? Что такое он рассказывает? – Ундерлип видит побелевшие лица его высочества и лорда Роя.

– В Португалии дело дрянь, вот что он говорит! – бросает лорд Рой.

– В Испании? – рыбак скалит свои белые зубы. – Ха-ха! Там тоже началась драка. Наша армия с красными флагами и с музыкой перешла границу. Поезда с пушками идут из Португалии в Испанию. Война, судари! Король? На рынке говорили, что он удрал.

– Что он говорит?

– Он говорит, что в Испании та же история. Вот что он говорит! – кривя рот, сообщает лорд Рой.

– Гибралтар? – Рыбак ничего не знает о нем. На шхуне у его сына есть газета. В газете все досконально пропечатано.

Ундерлип втискивает в руку рыбака десять долларов.

– Газету. Моя хочет газету, – коверкая язык и думая, что так рыбаку понятнее, кричит Ундерлип.

Серый лист бумаги дрожит в руках Ундерлипа. Буквы танцуют перед глазами.

– Я ничего не понимаю на этом собачьем языке, – злится

Ундерлип.

Лорд Рой берет газету. Читает и переводит.

– Да, да, рыбак сказал правду. Португальские войска перешли границу и двинулись на Мадрид. В Мадриде уличные бои. В Париже... Что тут сказано о Париже? Правительство эвакуировалось. Куда? В Бордо. В Париже, в Лионе и Марселе идут сражения. Тулон бомбардируется флотом. А на чьей стороне флот? Тоже.

Но, может быть, Германия? Ундерлип требует. Найдите здесь о Германии.

Маленькая заметка. Германская красная армия перешла Рейн. Крас-на-я! Стало быть, она идет на помощь. Стало быть, черт возьми! В Европе нет ни одного тихого угла. Стало быть. Нигде в Европе. Нигде в Америке.

– Ваше выс...

Его высочество плачет. Из августейших глаз льются августейшие слезы. У его высочества пляшут губы.

– В... б... б... я... боюсь! Спрячьте меня... Скройте меня! Они меня повесят...

Его высочество совсем скисло, и лорд Рой уводит его под руку в каюту. Там он поит его высочество валерьянкой и укладывает его спать. Когда, спустя некоторое время, лорд Рой выходит на палубу, он держит в руке что-то, струящее разноцветные ручьи огня. С этими переливающимися огнями он взбирается на мостик капитана Барраса.

– Вы видите это? – показывает он игру огней капитану

Баррасу.

– Бриллиант, – отвечает капитан. – Однако какой огромный, семь чертей! Извините, морская привычка...

– Вы получите этот бриллиант.

– Я?

– Вы. Этот бриллиант – фамильная ценность его высочества. Вы получите его, капитан Баррас.

– Хо-хо! Королевский бриллиант. Куда я денусь с ним? Меня упрячут с ним в тюрьму. То есть не с ним. Бриллиант отберут, семь чертей.

– Его высочество пишет дарственный акт.

– Акт – это хорошо. Ю-ри-ди-че-ски. Итак, я принимаю, сэр.

– Но вы должны проскочить, как тень, мимо фортов в Средиземное море. Вы должны провести яхту через Суэц. Вы должны доставить его высочество невредимым в Австралию.

– Должен, должен... Сколько вы насчитали долгов, семь чертей. Впрочем, у меня есть у самого дело в Австралии. – Капитан Баррас вынимает чек и показывает лорду Рою. – Скажите, лорд, это вполне ю-ри-ди-че-ски?

– Вполне.

– Давайте ваш камень.

– Вы получите у берегов Австралии, капитан.

– Гм! У берегов Австралии. Если вы не надуете. Смотрите!

Капитан Баррас крутит кулаками в воздухе.

– Высшая марка. Многолетняя тренировка, сэр.

Но лорд Рой уже спускается с мостика и не видит высшей марки. Капитан Баррас громко хохочет.

– Хо-хо-хо! Этак они станут нищими, а я – королем. Хо-хо-хо!

XVII

Ундерлип потерял все. Он был королем, королем хлеба, а теперь он скитается по морям и не имеет пристанища. Но должен же быть на свете такой уголок, где Ундерлип сможет переждать, пока эти каналы сломят себе шею, потому что жизнь не может идти без Ундерлипа, без биржи, без акций, без дивиденда.

Что такое счастье? Это доллары, фунты, франки. Они бегут, они поднимаются, они падают, и в этом игра жизни. А эти глупые мечтатели думают отменить деньги, акции, биржи, банки, ренту. Химеры. Бред. Их дело не стоит ни одного пенса.

Капитан Баррас слушает рассуждения Ундерлипа и кивает головой. Мистер совершенно прав. Красные заварили кашу на весь мир, но в конце концов разве можно уравнивать всех! С тех пор как капитан Баррас сделался владельцем вот этого чека, и этого перстня, и этой яхты, он имеет ясные взгляды на жизнь. Он разделяет мнения Ундерлипа, потому что он сам чувствует себя Ундерлипом. Он ступил на первую ступеньку той лестницы, на вершине которой стоит хлебный король, и он не хочет, он не допустит, чтобы эта лестница была перевернута верхом вниз.

Но команда яхты, очевидно, иного мнения. В каком-нибудь десятке миль от Гибралтара машинист отвечает на ко-

манду капитана Барраса:

– Баста!

И останавливает машину.

Кочегары бросают работу. Матросы покидают свои места. Повар уходит из кухни. И все собираются на палубу.

– Баста!

Ундерлип хочет применить разумные доводы, но капитан Баррас иного мнения. Он вытаскивает из кармана заряженный револьвер и, направив его в лоб машинисту, коротко и ясно говорит:

– Назад в машинное отделение или...

Машинист – коновод этого бунта. Он повторяет жест за жестом движения капитана Барраса. Тоже сует руку в карман. Тоже вынимает револьвер. Заряженный. Нацеливается в капитана Барраса и говорит:

– Назад в рубку и – к берегу!

– Мы хотим к берегу, сэр, – вежливо поясняет кок в белом колпаке.

– Да. Спустите нас на берег и убирайтесь ко всем чертям, – дополняет штурман, заложив руки в карманы и глядя смело в лицо Ундерлипу.

Его высочество смотрит на карманы штурмана. Подозрительные карманы! Может быть, у штурмана в каждом кармане по револьверу? Или вот у кока, карман тоже оттопырен.

И, забыв про свою потребность в кокаине, его высочество ощущает иную, еще более острую потребность и, сломав-

шись вдвое, бежит в уборную.

Лорд Рой провожает его высочество, выражая вслух соболезнование состоянию августейшего желудка:

– Это от нервного потрясения, принц.

– Я боюсь... боюсь... – лепечет его высочество и, сморщившись от нового желудочного приступа, ныряет в дверь уборной.

– Послушайте, – обращается лорд Рой к команде, – известно ли вам, что на этой яхте находится наследник престола...

Машинисту известно, что в Англии уже нет никакого престола. Машинист презирает все высочества на свете.

– Ради этой кикиморы, которой вы лижете зад, мы не станем рисковать нашими головами.

– Верно, Пэн, верно! – одобряет его команда.

И еще раз Ундерлип вспоминает свою теорию о лошади с ведущим ее клоком сена перед носом. Но как можно больше искренности в голосе. Как можно меньше нервов.

Он называет их своими друзьями: «мои друзья!» Машинист, штурман, матросы и даже пахнувший салом и мясом кок – друзья короля Ундерлипа. Знают ли новые друзья Ундерлипа, что значит «чек на предьявителя»?

Это такая бумажка, по которой банк без всякого промедления платит деньги долларами, фунтами, в какой вам угодно валюте.

У Ундерлипа, разумеется, нет лисьего хвоста. Нет никакого хвоста вообще. Но он мысленно виляет хвостом.

– Какие там, к черту, банки! – прерывает машинист Ундерлипа. – Ни в Европе, ни в Америке нет больше вампиров.

Разве Ундерлип говорит своим милым друзьям о европейских или американских банкирах? Нет... Он имеет в виду австралийский банк, а если угодно, то японский или китайский. Деньги – везде деньги. Стоит только предъявить вот такую бумажку.

Ундерлип потрясает одной рукою чековой книжкой, а другой вытирает пот со лба и шеи. В евангелии что-то сказано о верблюде и игольном ушке: верблюду почему-то непременно нужно было протолкнуться через ушко иглы. Это, должно быть, легче, чем хлебному королю пробраться в Австралию при столь несчастливом стечении обстоятельств. Но брешь все же пробита.

Кок выступает вперед и, дыша в лицо короля хлеба перегаром водки, говорит:

– Я понимаю мистера так: мистер желает выдать нам чеки, чтобы мы отказались от своего намерения высадиться.

Ундерлип берет кока за пуговицу его белого халата.

– Я всегда замечал, что вы очень умный человек, мистер, э... э... э...

– Мистер Клейн, – подсказывает, осклабившись, кок.

– Да, мистер Клейн, вы умный человек. Я всем вам выдам чеки на крупные суммы.

Раз разговор идет о деньгах, то нужно револьвер спрятать в карман. Машинист так и делает. Он ничего не имеет про-

тив чека в кругленькую сумму. Например, в сто тысяч долларов.

– Правильно, Пэн! Браво, Пэн! – одобряет команда. Ундерлип добродушно похлопывает машиниста по плечу:

– Эх, простота! Что такое сто тысяч долларов? Плевок! Сейчас я напишу всем вам чеки на сто тысяч долларов. Всем! Даже юнге. А если вы благополучно доставите нас в Австралию, то я добавлю, господа, добавлю.

Так как положение спасено, Ундерлип позволяет себе сказать маленькую речь на тему о революции. Революция нужна бездельникам. Ундерлип уверяет своих милых друзей, что честный человек и без революции может найти свое счастье. Разве кому-нибудь закон запрещает богатеть? Богатейте, мистеры, богатейте, сколько вам угодно.

Он рассуждает о революции и пишет чеки. Он вырывает из чековой книжки чековые листки, рассуждая о революции, раздает их всем, даже коку, даже юнге.

У его высочества желудок опять в нормальном состоянии. Его высочество грозен.

– Канальи! – кричит он. – Бунтовать? В моем присутствии? Погодите, я вам покажу бунтовать.

Он храбро наступает на кока. Кок отступает к борту. Его высочество притискивает кока к перилам и тихо спрашивает:

– Послушай, кок, есть ли у тебя хоть одна понюшка кокаина? Если ты достанешь мне хоть одну крошечку кокаина, я назначу тебя королевским поваром.

– Нет, кокаина у меня нет, – отвечает кок.

– Тогда ты будешь повешен рядом с этими канальями, – говорит его высочество.

Ундерлип идет к себе в каюту, садится на стул. Хохочет: хо-хо-хо-хо-хо! И громко зовет:

– Дик, Дик!

– Что угодно мистеру?

– Все люди – идиоты.

– Если мистеру угодно?..

– Да, мне угодно, потому что я король. Что?

– Мистер говорит правду. Мистер – король.

– Даже сейчас, в скитании, я тоже – король.

– Правильно, мистер.

– Вы знаете почему, Дик?

– Потому что вы Ундерлип и умрете Ундерлипом, – отчеканивает Дик.

– Дурак! – цедит сквозь зубы Ундерлип.

– Если мистеру угодно?..

– Я король потому, что могу купить человека. У принца крови в опасности происходит дизентерия желудка, а у хлебного короля только дизентерия чековой книжки. Хо-хо-хо-хо-хо!

– Хи-хи-хи!

– Я могу купить человека. Дик. За сто тысяч долларов. Я раздал сейчас чеков на два миллиона. И купил всех, до юнги включительно. А теперь... х-хо, х-хо! Я их всех одурачу.

Перо и бумагу, Дик.

Ундерлип пишет на бланковом листе бумаги в австралийский банк. Он имеет честь предупредить правление австралийского банка, что чеки за такими-то номерами, выданные им, Ундерлипом, на предъявителя такого-то числа в такую-то сумму, недействительны.

А посему Ундерлип приказывает австралийскому банку по означенным чекам не платить ни одного цента.

Сложив бумагу вчетверо и скрепив ее сургучною печатью, Ундерлип передает ее Дику.

– Как только мы причалим, вы немедленно отправляйтесь в банк и передайте эту бумагу директору банка. За это вы получите сто тысяч долларов, Дик.

– Чеком, мистер?

– Хо-хо-хо! Нет, наличными, Дик.

Великолепная идея! Король Ундерлип сильнее всех королей в мире. Он может раздавать сотни долларов. Триллионы. Лишь бы хватило чековых бланков.

XVIII

В прекрасном расположении духа выходит Ундерлип на палубу.

Совершенно черная ночь. Ни зги. Яхта летит. Далеко ли еще до Гибралтара? Ундерлип забирается на мостик к капитану Баррасу.

Капитан Баррас ворчливо перебирает всю родню черта. Гибралтар? Пусть мистер поцелует кота в нос. Зачем? Это так говорится. Короче – плакали денежки капитана Барраса. Опять почему? Если бы яхта была даже иглою, она не проскочит Гибралтар.

Ундерлип ничего не понимает. Капитан снова рекомендует ему поцеловать кота в нос. Разве мистер ослеп и оглох?

Нет, он не ослеп. Он видит на западе вспыхивающие зарницы и алое зарево. Он слышит отдаленную оружейную пальбу. Итак?

– Итак, черт возьми! – ворчит капитан Баррас. – В Гибралтаре идет бой. Нам в это пекло соваться нельзя. Что будет с моим чеком, мистер?

Ундерлип предлагает капитану применить «штучку».

Ведь капитан уже дважды доказал, что он умеет выходить сухим из воды. Милый капитан Баррас – великий стратег, и когда настанут лучшие времена, Ундерлип поможет ему найти настоящую дорогу.

– «Штучки» не помогут. Если там идет бой, то пролив минирован. Вы хотите взлететь на воздух?

Нет, Ундерлип не любит полетов. Ему холодно от одной мысли об этом.

– Мы идем на юг, капитан Баррас, – излагает он новый рейс. – Может быть, мы высадимся в Капландии. В крайнем случае вокруг Африки, Индийский океан, Австралия.

Капитан Баррас свистит:

– Ф-фью! Поцелуйте кота. А нефть? У нас нефть на исходе.

– Мы где-нибудь погрузим несколько сот тонн нефти.

– Так вам и дадут ее взять.

– Контрабандой, капитан. Я уплачу большие деньги.

– Чеком?

– На предъявителя, капитан.

Яхта меняет курс. Капитан Баррас хмуро треплет свою огненную бороду и тяжело думает о чем-то. Мысли человека скрыты, но когда Ундерлип спускается с мостика, капитан Баррас тычет вслед ему кулаком в воздух и шипит:

– Ну тебя к черту с твоими чеками. Погоди, я надумаю штучку.

– Необходимо пойти немедленно на уступки.

– Никаких уступок.

– Но мы не уверены в войсках, маршал.

– Иного выхода нет, господа, как сражаться до тех пор,

пока на нашей стороне останется хотя бы один солдат.

В зале заседания горит керосиновая лампа. Она стоит на длинном столе, покрытом зеленым сукном, заваленным картами, бумагами, эстафетами. Господин президент бел, как эти бумаги, а временами зелен, как сукно, покрывающее стол. Маленький, сухонький маршал блестит очками и морщит желтый лоб. Сенаторы и депутаты, собравшиеся в этот зал, ежатся, точно от озноба, и озираются на плотно занавешенные окна.

Париж погасил огни и притаился в темноте. С окраин доносится ворчание орудий. Третья неделя, как они громят осажденный центр, сжимая его все теснее и теснее в огненном кольце.

Маршал взбешен и кусает синие губы. Эти банкиры, фабриканты, лавочники бесконечно трусливы и связывают его по рукам и по ногам.

– О каких уступках может идти речь? – спрашивает он, сдерживая свое негодование. – Они требуют все.

– Мы не выслушали их парламентаров, – возражает президент, трепля дрожащими пальцами свою остренькую белую бородку.

– Да, да, мы не выслушали парламентаров, – подхватывают депутаты и сенаторы. – Мы должны их выслушать.

Маршал выбрасывает несколько коротких гневных фраз. Когда положение совсем почти безнадежно, надо сдаваться или сражаться до конца. Что могут дать переговоры? Лиш-

нее доказательство нашей слабости. Итак, желают ли господа продолжать сопротивление, или сдаться?

Президент проводит руками по своей шее. Он чувствует на ней прикосновение веревки.

– Нет, нет! Сдаться – никогда!

Маршал щурит глаза под очками и, неожиданно махнув рукою, решает:

– Хорошо, слушаем парламентаров. Парламентаров приходится ждать очень долго, слишком долго. Президент бегает по залу и время от времени пощупывает свою шею. Вдруг останавливается. А что, если они откажутся от переговоров! Эту мысль президент высказывает вслух. Маршал пожимает плечами.

Шаги... Несколько пар каблуков стучат по каменной лестнице. Остановились. Караульный офицер говорит что-то коротко часовым у двери. Дверь открывается.

Вот так парламентары! Обыкновенные блузники. Три человека в стоптанных сапогах и в блузах.

Маршал ворчит и отходит в сторону. Он не станет разговаривать с этой сволочью.

Пусть говорит с ними президент.

– Вас уполномочили вести с нами переговоры, господа? – сладким голосом спрашивает президент, округлив свою спину в угодливом поклоне.

Рыжий бородач выступил вперед, откашливается в свою твердую черную ладонь.

– Господин президент говорит о переговорах? Тут есть некоторая неточность. Парламентеры уполномочены предъявить ультиматум.

– Вот как! Ультиматум?! – круто повернувшись на каблучках и звякнув шпорами, насмешливо восклицает маршал.

– Вы слышали, господа? Ультиматум! – обращается он к собранию.

– Да, ультиматум, – подтверждает бородач. – Так я говорю? – переспрашивает он своих товарищей.

– Верно, ультиматум, – повторяют они.

– Излагайте, в чем дело, – предлагает президент хриплым голосом.

Бородач краток.

– Немедленно сложить оружие. Без всяких условий.

– Мы не хотели бы разрушить центр бомбардировкой, – добавляет второй парламентар.

– Воздушной бомбардировкой, – добавляет третий.

– Воздушной?!

– Воздушной.

– Что такое?! Воздушной?!

Сенаторы, депутаты и президент в оцепенении. Маршал опять повернулся и, вытянувшись на цыпочки, глядит через плечи сгрудившихся депутатов на блузников.

Рыжий бородач становится щедрее на слова.

– Над Парижем находится русский воздушный флот. Немецкая красная армия перешла Рейн.

– Немецкая красная армия?! – маршал сморщил лоб. Снял очки. Протер их. Опять надел. – Красная?

– Разве она уже красная? – спрашивает президент. Он явно чувствует шероховатую, колючую веревку, сжимающую его шею, и срывает воротник с запонки.

– Да, красная. В Германии все кончено, – говорит бородач.

– Чего вы хотите? Мы готовы на уступки, – хриплым шепотом говорит президент.

Бородач повторяет фразу маршала, сказанную полчаса тому назад.

– Никаких уступок. Прекращение военных действий. Выдача оружия. Все.

Маленький депутат-социалист, Леон Колье, подкрадывается по-кошачьи к бородачу. Хлопает его по плечу. – Товарищ!

Бородач стряхивает плечом его руку.

– Здесь нет ваших товарищей.

– Я социалист.

– Если вы социалист, почему вы здесь?

– Потому что это безумие, товарищ. Социализм не делают пушками.

Все три парламентаря хохочут. Они нисколько не стесняются этого высокого собрания.

– Ха-ха-ха! Старая штука!

– Будет втирать очки, приятель!

– Ха-ха-ха! Президент морщится:

– Однако надо соблюдать приличия, господа.

– Отложим приличия до следующего раза, – говорит бородач. – Мы даем полчаса на обсуждение нашего ультиматума. До свидания.

Все три парламентаря уходят. Но вслед за ними выходит маршал. Из-за двери слышен его громкий голос и сухой деревянный ответ офицера:

– Слушаюсь, генерал.

Президент произносит короткую речь. Игра проиграна. Надо спасать головы. И если господа дорожат своими головами, то...

Господа дорожат своими головами и прерывают речь президента гудом:

– Да, да, чем скорее, тем лучше.

– Не надо раздражать их...

– Немедленно.

– Выговорить личную неприкосновенность.

Топот солдатских ног. Звяканье винтовок о подсумки. Команда. Обе половинки дверей с треском распахиваются. Стальная щетка штыков. Маршал с револьвером в руке входит в зал.

– Вы арестованы, господа.

– Кем? По какому праву?.. – восклицает президент.

– Мной, – отвечает маршал.

– По какому праву? – снова переспрашивает президент.

– По праву войны. Вы хотите сдать черни. Армия хочет воевать. Власть временно взята мною. Извините, господа, вам придется пробыть под арестом до тех пор, пока я не доведу дело до конца.

Он поворачивается по своему обыкновению на каблуках и выходит из зала. Офицер командует. Солдаты входят в зал и располагаются у его окон и дверей.

А в это время воздух наполняется долгим протяжным фырканием. Оно падает как-то сверху, точно с неба. Словно десятки моторов работают над крышами, шпилями и куполами в Париже.

У перил летательной машины – человек, зашитый в кожу, с кожаным шлемом на голове. Ослепительный круг рефлектора разворачивает белую ленту света. Она прорывает темноту и скользит вниз. В глубине тысячи метров скользящий меч света выхватывает прямоугольники кварталов, сжатые каналами улиц, кудри Булонского леса, стальной извив Сены, паутинную пирамиду Эйфелевой башни, чугунное плетение мостов.

По черным улицам медленно плывут огненные червячки: военные отряды и артиллерийские парки передвигаются по улицам, освещают путь факелами.

Париж рокошет, швыряет вверх раскаленные комья чугуна и стали, взмывает к небу багровые взметы огня. Человек в коже смотрит в бинокль. Улицы перегорожены колючей проволокой, покрыты, нагромождены; сверкая короткими мол-

ниями ружейного огня, люди мечутся, рассыпаются и снова сливаются в колонны.

Человек в коже прикладывает к губам свисток. И воздух прорезается звонким, трепещущим свистом. И в эту же минуту слева, справа, позади – со всех сторон доносится трепетание винтов, темные громады слетаются отовсюду к дирижаблю, на котором стоит человек в коже; перемещаются в воздухе, в вышине тысячи метров, и выстраиваются треугольники с дирижаблем у вершины.

В кабине дирижабля – командующий воздушной эскадрилей Николай Баскаков. Пол кабины стеклянный, и под ногами, точно на рельефном плане, лежит Париж. Десятки рефлекторов нащупывают его улицы, площади, бульвары, площадки, мосты. На столе разостлана карта Парижа, утыканная булавками и флажками, белые и красные.

Николай Баскаков диктует:

– Площадь пирамид – белые. Предместья – красные.

Его адъютант переставляет флажки. Белые флажки сгущились в центре, красные обступили их со всех сторон и сжимают их теснее и теснее.

Баскаков нажимает рычажок фоторадиофона и кричит в приемник:

– Площадь пирамид – белые. Атака! Начинай! Фырканье пропеллеров. Машины, точно по воздушным ступеням, все враз падают вниз до самых крыш и куполов и, сбросив на Площадь пирамид сотню бомб, стремительно взмывают

вверх, спасаясь от воздушного вихря, поднятого взрывами.

Что-то рвется, рушится там внизу. Над Площадью пирамид подымается багровое зарево. И опять Баскаков диктует:
– Площадь пирамид – красные. Предместья – красные. Площадь Согласия белые.

Белые флажки сжались тесно на одном клочке карты. Красные флажки охватили их.

Два десятка бронированных аэропланов, маленьких, юрких, ловких, отделяются от эскадрильи, скользят вниз, реют совсем низко над домами. Это воздушный пулеметный отряд. Пулеметы сыпят свинцовый горох. Он щелкает по крышам, по мостовым, по панелям.

Внизу установили зенитные орудия. Огненные борозды режут небо. Шрапнель рвется, разбрызгивая огненные осколки. Один аэроплан накренился, вспыхнул пламенным веером, перевернулся и ринулся вниз, оставляя за собой светлый хвост дыма. От аэроплана отделилась маленькая черная фигурка, перевернулась несколько раз в воздухе и упала в темноту улицы.

– Красные прорвались в центр, – диктует Николай Баскаков.

Красные флажки заняли уже всю карту Парижа. Белые гнезятся отдельными горсточками, вкрапленными там и сям. Зенитные орудия замолкают. С головного дирижабля пускают красную ракету. Ответный огненный дождь ракет поднимается над всеми аэропланами и дирижаблями эскад-

рильи. Мощный мегафон гремит с дирижабля командующего:

– Слушай! Ко мне!

Эскадра перестраивается в каре. В центре – главный дирижабль. И опять гремит мегафон:

– Слушай! Победа!

Со всех воздушных кораблей грохочет усиленный мегафонами революционный гимн;

– Вставай, проклятьем заклеянный...

Мощные звуки падают вниз, с вышины тысячи метров призывно рассыпаясь по улицам Парижа. И тысячи тысяч рабочих там, внизу, покрытые пороховым дымом, прекращают стрельбу и, обнажив головы, ответно поют, подняв к небу просветленные лица:

– Это есть наш последний и решительный бой...

XIX

– Военное судно.

– Вымпел?

– Красный.

– Черт побери, опять красный! Везде красные! – Ундерлип в бешенстве и страхе. Революция вездесуща. Она опережает яхту. Она разносится по радио, бежит по телеграфным проводам, летит по воздуху. На параллели Азорских островов – красный вымпел.

– Давайте флаг! – иступленно кричит Ундерлип. Красный! Самый красный! Густо-красный! Кроваво-красный, черт вас возьми!

На яхте взвивается красный флаг. Капитан Баррас на мостике ухмыляется:

– Г-м, г-м, припекло. Миллиардер и принц под красным флагом. В конце концов, черт и его бабушка, любопытно, чем это кончится.

Военный корабль сигнализирует. Капитан Баррас читает сигнал и командует:

– Тихий ход.

– Что? Тихий ход? – Ундерлип не согласен. – Максимальный! Максимальный ход! Надо улепетывать.

– Нам сигнализируют остановиться. Мы должны подчиниться, – заявляет капитан Баррас.

– Подчиниться? – Ундерлип требует... Нет, не требует, а просит... Умоляет, если хотите. Наибольший ход.

– Среди бела дня мы никогда не улизнем, – пожимает плечами капитан.

– Чек на миллион, капитан.

– Попробую, но предупреждаю: нефть на исходе. Если попытка удастся, у нас не останется ни фунта нефти.

– Скорее! Скорее!

Капитан Баррас отдает команду. Яхта вздрагивает всем корпусом и устремляется вперед. Лопасты винтов бешено дробят воду.

Бум!

Глухой удар сотрясает воздух. Ядро с шипением падает в воду в двух шагах от яхты, подняв вверх облака пара. Яхта накренивается и сейчас же упруго выравнивается.

– Стоп! – командует капитан Баррас.

– Почему стоп? Почему, черт бы вас взял?

– Потому что нас разобьют в щепки. Быстрее ядра нет хода.

– Значит?

– Значит...

Ундерлип бежит в каюту. Бумаги, бумаги! Он выбрасывает их из ящика стола и сует за драпировку, под ковер, под шкаф. Его высочество! Да, да, скорее!

Ундерлип бежит в каюту его высочества. Его высочество и его свита должны спуститься в трюм. Матросское платье.

Оно дурно пахнет? Запах не имеет значения. Или напротив: имеет значение. Чем хуже пахнет, тем лучше.

Его высочество глядит стеклянными глазами на Ундерлипа. Он ничего не понимает.

– Кокаин! У вас есть кокаин?

– Да, да, будет кокаин. Наденьте это платье.

Его высочество впал в полный идиотизм и покорно подставляет ноги и руки спешно одевающему его лорду Рою.

Военное судно – в нескольких десятках шагов от яхты. Капитан Баррас вбегает в каюту его высочества и грохочет ругательства.

– Черт и его бабушка! Разве этот маскарад поможет? У революционеров на плечах не капуста, а головы. Они спросят документы.

– Что же делать? – растерянно лепечет Ундерлип.

– Лезьте в цистерну из-под нефти, – советует капитан.

Ундерлип, король – в нефтяной бочке! Принц, наследник английской короны – в нефтяной бочке! И лорд Рой. И свита его высочества. Измазавшись с головы до ног в нефти, задыхаясь от нефтяной вони, они сидят, притаившись в цистерне, и со страхом прислушиваются к шагам на палубе.

Король хлеба! Нефть затекла за его воротник, пропитала его шелковое платье и ест его холеное, жирное тело. Долларами, настоящими долларами заплатил бы он за то, чтобы не сидеть в этой бочке. Половину состояния. Все состояние. Разве жизнь – это доллары?

Король хлеба плачет. Да. Да, настоящими слезами. Льются из его маленьких щелок-глаз, падают на измазанную нефтью грудь. Слезинки, не смешиваясь с жирной нефтью, застыли на его груди круглыми алмазными горошинками.

А там, наверху, офицер осматривает документы. Капитан Баррас ерошит свою золотую бороду.

– Отчего вы не остановились, когда вам сигнализировали? – допрашивает офицер капитана.

– Черт и его бабушка! – подбадривает себя капитан Баррас. – Я не заметил сигнала.

– Ваш рейс?

– В Мадеру.

– Откуда? Пропуск.

Капитан пускает в ход «штучку»:

– Яхта, извольте видеть, вышла из Нью-Йорка за два дня до этой каши.

– Сказки! Где вы мотались десять дней, капитан?

Да, загнул! Где они мотались десять дней? Нельзя же сказать этому красному, что они все время улепетывали от красных.

Капитан Баррас изворачивается:

– Была авария. Яхта ремонтировалась.

– Где?

Это не штука, что капитан знает океан, как свою каюту, и может назвать любой островок на нем. А вот штука назвать такое место, где за эти десять дней и не пахло революцией.

Но... смелости, смелости больше. Капитан Баррас называет наудачу маленький островок на Атлантическом океане.

– Мы чинились там пять дней.

– Я полагаю, что вашу яхту надо арестовать, – раздумчиво произносит офицер.

– Зачем? Мы все равно далеко не уйдем, – опять пускается на «штучку» капитан Баррас. – У нас совсем нет нефти.

Сказал и прикусил язык. А вдруг офицер задумает проверить цистерны с нефтью. Ведь в пустой цистерне имеется знатный груз: принц крови и король хлеба. Хорошая добыча для красных.

Так оно и происходит. Офицер идет в трюм с электрическим фонариком в руке. Капитан Баррас исключительно словоохотлив. Он обращает внимание уважаемого офицера, что эта яхта отличается исключительной быстроходностью и сопротивляемостью переборок. Он высчитывает количество лошадиных сил машины и рассказывает об особой конструкции ее котлов. Он предлагает офицеру попробовать вот эти сигары, настоящую гавану.

– Какой аромат! Какая мягкость табака! И обратите внимание на плотность пепла.

Офицер ощущает аромат и мягкость гаваны и обращает внимание на плотность ее пепла, а капитан Баррас юрко снует между цистернами. Щелкает по цистерне, в которой сидят его пассажиры. Она издает глухой звук.

– Пустая, – говорит он и рискованно предлагает: – Может

быть, вам угодно заглянуть внутрь?

– Не стоит. По звуку слышно, – отвечает офицер.

У-ф-ф! Отлегло! Словесный поток капитана Барраса сразу иссякает. Офицер, осмотрев трюм, прощается с капитаном.

– Причальте к Мадере и дальше не пускайтесь без пропуска в путь. Вот вам удостоверение, что ваше судно осмотрено. Оно действительно до первой стоянки.

Офицер козыряет. Капитан тоже козыряет. Военное судно снимает трап и уходит. Из трюма, измазанные нефтью, выползают пассажиры капитана Барраса.

Король – снова король. Разве он плакал? Ничего подобного. Он выпрямляет спину и громко, по-королевски приказывает:

– Дик. Долой с меня эту дрянь! Ванну!

Приняв ванну и переменяв платье, он надевает не кепку, а цилиндр. Он, король, окончательно уверовал в свою звезду.

Машина молчит. Винты замерли. Топлива больше нет.

Ни литра нефти. Яхту несет течением. Куда? Зачем? Может быть, ее прибьет к берегу? Но может быть, ее отнесет в открытый океан. Может быть.

Начинается шторм. Море бугрится и вздымает зеленые бугры. Яхта всползает на водяные горы и скользит с их гребней вниз между двумя водяными стенами. Может быть, ее разобьет штормом, как яичную скорлупу? Может быть...

Его высочество лежит на качающейся койке в каюте. На

желтом лице застыла бессмысленная улыбка. Засохшие, потрескавшиеся синие губы шепчут:

– Кокаин... Я умираю... Дайте мне кокаин...

Капитан Баррас бегаёт по палубе. Зачем он взялся за эту историю. Ведь он не король, не принц, не лорд, а просто капитан. Всего-навсего. Чеки? Хе-хе! Чего они стоят? Пустая бумажка! Химера!

Ундерлип сидит на ванте, на веревках. Он беднее последнего нищего. Он больше не король. У него нет ничего. Ничего! Даже нет слез.

– Берег! – доносится с рубки.

Яхту несет к берегу. Суровые скалы, белое кружево пены у их ног. Волны ударяются о каменную грудь, разбиваются в седую пыль. Они взлетают вверх серебряным облаком.

Если яхта ударится о берег, ее разнесет в щепки. Но машина умерла, винты молчат... Яхта разобьется о скалы.

Король хлеба, миллиардер Ундерлип, безучастен.

Пусть! Все пыль. Все сон – миллиарды, сила, власть и даже сама жизнь.

Яхта взлетает на гребень волны. Волна относит яхту от берега, точно делает разбег. И с размаху швыряет ее на острые зубы скал. И все... Мачта плывет и скачет на волнах. Что-то черное подпрыгивает у мачты. Цилиндр мистера Ундерлипа, короля хлеба. Цилиндр пережил короля.